

В И К Т О Р Г О Л Я В К И Н

МОЙ
ДОБРЫЙ
ПАПА

Ⓛ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

ВИКТОР ГОЛЯВКИН

МОЙ
ДОБРЫЙ
ПАПА

ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА 1967

Эта книжка о мальчике Пёте, его брате Бобе и их друзьях, которые живут в замечательном южном городе Баку.

Пётя и Боба, как многие мальчики и девочки, очень любят своего папу. Но вот над страной разразилась война; папа уходит на фронт. Для братьев начинается новая тревожная жизнь.

Рисунки автора

Я НЕ ХОЧУ ОБЕДАТЬ

Я никогда не хочу обедать. Мне так хорошо во дворе играть! Я всю жизнь бы во дворе играл. И никогда не обедал бы. Я совсем не люблю борщ с капустой. И вообще я суп не люблю. И кашу я не люблю. И котлеты я тоже не очень люблю. Я люблю абрикосы. Вы ели абрикосы? Я так люблю абрикосы! Но вот мама зовет меня есть борщ, мне приходится всё бросать: недостроенный дом из песка и Райса, Расима, Рамиса, Рафиса — моих друзей, братьев Измайловых. Мой брат Боба любит борщ. Он смеется, когда ест

борщ, а я мёрщусь. Он вообще всегда смеётся и тычет себе ложкой в нос вместо рта, потому что ему три года. Нет, борщ всё-таки я могу съесть. И котлеты я тоже съедаю. Виноград-то я ем с удовольствием! Тогда и сажают меня за рояль. Пожалуй, я съел бы ещё раз борщ. Только бы не играть на рояле.

— Ах, Клемэнти, Клемэнти! — говорит мама. — Счастье играть Клемэнти!

— Клемэнти, Клемэнти! — говорит папа. — Прекрасная сонатина Клемэнти! Я в детстве играл сонатину Клемэнти.

Папа мой — музыкант. Он даже сам сочиняет музыку. Зато раньше он был военный. Он был командиром конников. Он скакал на коне совсем рядом с Чапаевым. Он носил папаху со звездой. Я видел папину шапку. Она здесь, у нас в сундуке. Эта шапка такая огромная! И такая тяжёлая! Её даже трудно в руках держать, не то что махать во все стороны. Эх, был бы папа военный! Весь в ремнях. Кобура на боку. На другом боку шапка. Звезда на фуражке. Папа ездил бы на коне. А я шёл бы с ним рядом. Все мне бы завидовали! Вон смотрите, какой Пётин папа.

Но папа любит Клемэнти.

А я не люблю. Я люблю строить дом из песка и друзей люблю, четырёх братьев: Расима, Рафиса, Райса, Рамиса. Что мне Клемэнти!

Я играю. И спрашиваю:

— Не хватит?

— Играй ещё, — говорит мама.

— Играй, играй, — говорит папа.

Я играю, а брат сидит на полу и смеётся. В руках у него заводная машина. Он оторвал от машины колёса. И катает их по полу. И это ему очень нравится. Никто ему не мешает. Не заставляет играть на рояле. И потому ему очень весело. Плачет он очень редко.

Когда у него что-нибудь отнимают. Или когда его стригут. Он совершенно не любит стричься. Он так и ходил бы всю жизнь лохматый. На это он не обращает внимания. В общем, ему хорошо, а мне плохо.

Папа с мамой слушают, как я играю. Брат катает по полу колёсики. За окном кричат четыре брата. Они кричат разными голосами. Я вижу в окно: они машут руками. Они зовут меня. Им одним скучно.

— Ну, всё,— говорю я,— всё сыграл.

— Ещё разик,— просит папа.

— Больше не буду,— говорю я.

— Ну пожалуйста,— говорит мама.

— Не буду,— говорю я,— не буду!

— Ты смотри мне! — говорит папа.

Я пробую встать. Убираю ноты.

— Я сотру тебя в порошок! — кричит папа.

— Не надо так,— говорит мама.

Папа волнуется:

— Я учился... я играл в день по пять-шесть часов, сразу после гражданской войны. Я трудился! А он?.. Я его в порошок сотру!

Но я-то знал! Он меня не сотрёт в порошок. Он так всегда говорит, когда злится. Он даже маме так говорит. Как может он нас в порошок стереть? Тем более, что он наш папа.

— Не буду играть,— говорю я,— и всё!

— Посмотрим,— говорит папа.

— Пожалуйста,— говорю я.

— Посмотрим,— говорит папа.

В третий раз я играю Клемента.

Наконец-то меня отпускают! Мой брат Боба идёт за мной. Он растерял все колёсики. И ему теперь скучно.

На дворе меня ждут четыре брата. Они машут руками, кричат. Мой дом из песка разрушен. Весь труд

мой пропал даром. И всё из-за борща и Клемента! Дом разрушил Рафис — младший брат. Он плачет — братья его побили. Нечего делать! И я говорю:

— Ничего. Новый дом пострим.

Я веду всех в магазин к дяде Гоше. Дядя Гоша — папин знакомый. Он нам всё отпускает в долг. Он записывает на листке наш долг, а потом папа платит ему. Так хорошо! Папа так и сказал: отпускай им всё. Что они захотят. Сколько им угодно.

Вот приходим мы в магазин. Дядя Гоша нам отпускает конфеты. Мы можем есть их, сколько хотим. Потом папа за всё заплатит.

Рафис говорит:

— Я уже всё съел.

Мы опять идём к дяде Гоше. И набираем ещё конфет. Он говорит:

— Не много ли? Приходите ещё.

— Непременно придём, — говорим мы.

Во дворе нас окружают ребята. Мы раздаём всем конфеты. Нам не хватает на всех конфет. Например, Керим без конфет. Маша Никонова и Сашок.

Мы опять идём к дяде Гоше.

— Пожалуйста, — просим мы, — извините. Но нам тут не хватило конфет. Что же делать? Мы очень расстроены. Нам нужно ещё чуть-чуть конфет. Чтобы всем хватило.

— Зачем чуть-чуть! — говорит дядя Гоша. — Берите! И приходите ещё.

Он даёт нам конфет, и все довольны. Теперь всем ребятам хватило конфет.

На улице стало уже темнеть. Фонари зажглись. Скоро небо всё будет в звездах. Такое в нашем городе небо. Наш город самый красивый. Хотя я не был в других городах. В нашем городе есть бульвар. Там море, корабли и лодки. И виден остров вдали. И неф-

тянѳе вѳшки в море. Я пошѳл бы сейчѳс на бульвѳр, но вы слѳшите? Мѳма зовѳт нас на ѳжин.

И я идѳ ѳжинать. Так цѳлый день. Цѳлый день дѳлжен я есть!

Я съел ѳжин, но ѳто не всѳ. Меня сноѳа ведѳт к роялю. Пѳпы нет дѳма, и я говорѳю:

— С меня хѳтит.

— Вот отсюда начнѳ,— прѳсит мѳма,— вот с ѳтой стрѳчки.

— Хѳтит с меня,— говорѳю я,— и всѳ!

— Бѳдем ждѳть пѳпу,— говорѳт мѳма.

Прихѳдит пѳпа. Он вѳсел. Он дѳржит два большѳх ѳщика. В ѳтих ѳщиках мандарѳны.

— В июне и вдруг мандарѳны?!

— С трудѳм достѳл,— говорѳт пѳпа. Он открывѳет ѳщики.

— А ну! Налетѳйте! Ребѳтки! Хватѳйте!

Мы налетѳем, хватѳем, смеемся. Пѳпа смеѳтся вмѳсте с нѳми. Ест мандарѳны. И говорѳт:

— Позовѳте всех.

Я зовѳ брѳтьев Раѳса, Рафѳса, Расѳма, Рамѳса. И мы угощѳем их мандарѳнами. И ѳщики бѳстро пу-
стѳют.

Потѳм брѳтья ухѳдят. И мѳма уносѳт пустѳе ѳщѳ-
ки. И говорѳт пѳпе:

— Как с деньгѳми? Сумеем ли мы всѳ же съѳздить на дѳчу? Хотѳлось бы. Лѳто ужѳ прохѳдит.

Я вѳжу, пѳпа задѳмался. Он говорѳт:

— Мѳжет, мы сумеем. Но, мѳжет быть, и не сумеем. Но ѳсли мы дѳже и не поѳдем, то не бедѳ — жизнь и так прекрѳсна!

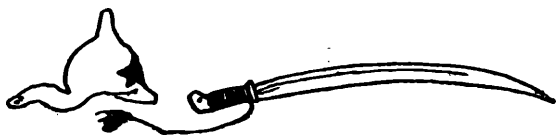
Но ѳ-то знѳю. На дѳче прекрѳсней. Там нет рояля. Там гранѳты, айвѳ, виноград, инжѳр... Там море без концѳ и крѳя. Я так люблѳ купѳться в море! Я так хѳчу на дѳчу! Там рѳдом стѳнция. Там гудѳт паровѳзы.

Там проходят разные поезда. А когда машешь им
вслед — тебе тоже машут из окон вагонов. И ещё там
горячий песок, утки, курицы, мельницы, ослики...

Потом я засыпаю на стуле.

Сквозь сон слышу я голоса, всё про дачу, про море,
про лето...

А утром я просыпаюсь в кровати.

Фатьма́ Ханум — это тётя Фатьма́, ма́ма братьев Рамíса, Рафíса, Расíма, Райса. Как ви́дит меня́, ка́ждый раз говори́т: «Ах, Пётка, Пётка, совсе́м большо́й!» Она́ по́мнит, когда́ я был ма́ленький. И те́перь уди́вля́ется, что я большо́й. Ра́зве мо́жно так уди́вля́ться! Я ве́дь рос посте́пенно. Вот и сейча́с, вы́шел я в коридо́р, а она́ говори́т:

- Очень бы́стро растёшь!
- Все расту́т одина́ково,— говори́ю я.
- Растí, растí,— говори́т она́.
- Вас ма́ма жде́т,— совра́л я.

Ма́ма лю́бит бесе́довать с Фа́тьмо́й Ха́ну́м. А Фа́тьма́ Ха́ну́м — с моёй ма́мой. О́ни мо́гут часа́ми бесе́довать.

— Тётя Фа́тьма́, пойдё́мте к нам!

В ко́торый раз ма́ма раскáзывает! О том, как я потеря́лся. О́ни смею́тся. Но я не смею́сь. Что мне смея́ться. Я э́то мно́го раз слы́шал. Раз сто и́ли двести. О́чень стра́нные взро́слые лю́ди! Раскáзывают о́дно и то же. Ра́зве со мной так быва́ет? Ка́ждый день у меня́ ку́ча новосте́й. Что мне вспоми́нать что́-то ста́рое? Ко́гда круго́м о́дни но́вости!

Я слы́шу их разгово́р.

Ма́ма. По́мню, он у меня́ роди́лся, у него́ глаза́ бы́ли си́ние. А пото́м о́ни ста́ли совсе́м не си́ние. Ка́кие-то се́рые. Так оби́дно. Вот ве́дь как быва́ет!

Фа́тьма́ Ха́ну́м. Бы́стро растёт...

Ма́ма. Да, да, да, вот я и говорю́... А ко́гда он бы́л ма́леньким, он бы́л ма́леньким — вот та́ким... он то́гда отпра́вился гуля́ть, он откры́л сам дверь, вы́шел на у́лицу, он проше́л то́гда весь го́род, вот так наиско́сок весь го́род, и остано́вился в скве́рике; как сейча́с по́мню, бы́ла суббо́та, игра́л оркестр, и под оркестр пляса́ли взро́слые. Ему́ э́то так по́нра́вилось! Он ста́л вме́сте со все́ми пляса́ть, его́ так и на́шли в та́ком ви́де — вот так ру́ки в бо́ки и пляшет!

Фа́тьма́ Ха́ну́м. О́чень весе́лый ребёнок!

Ма́ма. Го́ре мне с ним.

Фа́тьма́ Ха́ну́м. У меня́ четы́ре.

Ма́ма. Я и забы́ла!

О́ни смею́тся. Но я не смею́сь. Ни́чего нет смешно́го.

Тётя Фа́тьма́ говори́т мне:

— А ну раскáжи, как ты там танцева́л?

— Я ма́ленький бы́л, — говорю́, — и не по́мню.

— О́чень бы́стро растёшь, — говори́т она́.

— Сыграй-ка Клемэнти,— прóсит ма́ма.

Но я не хочу играть Клемэнти.

— Твой па́па учился,— говори́т ма́ма.— Сра́зу по́сле гражда́нской война́... Он игра́л по семь-восемь ча́сов...

— Это я знаю,— говори́ю я.

— Ну хорошо́,— говори́т ма́ма,— ну хорошо́, тогд́а спой Фатьме́ пёсню.

Ма́ма игра́ет, а я пою́:

Сóлнышко я́сное,
На́ша жизнь прекра́сная!

Я пою́ с удово́льствием. Я ору́.

— Подожди́, подожди́! — кричи́т ма́ма.— Снача́ла нача́ем, три... четы́ре!

Сóлнышко я́сное,
На́ша жизнь прекра́сная!

Я пою́ во всё го́рло.

— Нельзя́ ли поти́ше? — прóсит ма́ма.— Я да́же не слы́шу роя́ля.

— Конёчно, мо́жно,— говори́ю я,— но тогд́а како́й смы́сл?

— Снача́ла, снача́ла! — кричи́т ма́ма.— Нас ждёт Фатьма́!

Хорошо́, что в дверь посту́чали. Это старик Ли́верпуль. Я сра́зу узна́л. То́лько он так стучи́тся. Он, когд́а пья́ный, стучи́т ти́хо-ти́хо. Почти́ неслы́шно.

Он кру́тит перед ли́цом рука́ми. Как бу́дто де́лает ме́льницу.

— А где Воло́дя? — говори́т он.

— Он не пришёл ещё́,— говори́т ма́ма.

— Он мне стра́шно ну́жен...

— Но его нет.
— Я хотел угостить его...
— Вы же знаете, что он не пьёт.
— Я знаю, но вдруг... он ведь мой сосед... он мне страшно нужен...

— Ливерпуль, Ливерпуль,— вздыхает мама.
— Здравствуйте! — говорит он Фатьме Ханум.
— Здравствуйте,— говорю я.
— Здравствуй, старик,— говорит он мне.
— Я не старик,— обижаюсь я.
— Это неважно,— говорит он.
— Как же неважно? — говорю я.
— Извините,— говорит он.
— Пожалуйста,— говорит мама.
— Я должен вам денег,— говорит он,— не могли бы вы мне одолжить ещё?

Мама ему даёт бумажку.

— Я вам верну,— говорит Ливерпуль.

— Конечно, конечно,— говорит мама.

И старик Ливерпуль уходит.

У Ливерпуля тонюсенький детский голос, борода крючком и лысая голова. Это мама прозвала его Ливерпулем, хотя он имел другое имя. Он, кажется, был из Перу, каким-то случаем попал в Россию и навсегда остался здесь жить.

Надо же! Попал к нам сюда из самой Южной Америки!

Не люблю я, когда он пьяный. Он тогда машет руками, качается. Словно вот-вот упадёт. Стариком вдруг назвал меня. Вот ещё новость!

Мама беседует с Фатьмой Ханум. Я смотрю в окно. Вижу брата. Он строит дом из песка.

— Что ты торчишь тут? — говорит мама.

— Так, ничего,— отвечаю я.

Я жду папу. Вот сейчас выйдет он из-за угла. У не-

го полные руки гостинцев. Чего только нет там! И мандарины, большие оранжевые мандарины!

А папы все нету. Всегда так. Всегда его нету, когда я его жду. Но стоит мне отойти от окна — он появится.

НА БАЛКОНЕ

Я идú на балкóн. Вíжу дéвочку с бáнтом. Она́ жи-
вёт вон в том парáдном. Ей мóжно свíстнуть. Она́ гля-
нет вверх. И увíдит меня. Это мне и нúжно. «При-
вёт,— скажú я,— тра-ля-ля, три-ли-ли!» Она́ скáжет:
«Дурáк!» — íли чтó-то другóе. И дáльше пойдёт. Как
ни в чём не бывáло. Как бúдто бы я не дразнíl её. Тó-
же мне! Что мне бант! Бúдто я её жду! Я жду пáпу. Он
мне принесёт гостíнцев. Он бúдет рассказывать мне
про войнú. И про рáзное старóе врéмя. Пáпа знáет
стóлько истóрий! Никтó лúчше не мóжет рассказывать.
Я всё слúшал и слúшал бы!

Па́па знаёт про всё на свете. Но иногда он не хочет рассказывать. Он тогда грустный и всё говорит: «Нет, не то написал я, не то, не ту музыку... Но ты-то! — Это он мне говорит. — Ты-то уж не подведёшь, я надеюсь?» Мне не хочется па́пу обидеть. Он мечтает, чтоб я композитором стал. Я молчу. Что мне музыка? Он понимает. «Это печально, — говорит он. — Ты даже представить себе не можешь, как это печально!» Почему это печально, когда мне совсем не печально? Ведь па́па мне не желает плохого. Тогда почему так? «Кем ты будешь?» — говорит он. «Полковником», — говорю я. «Опять война?» Па́па мой недоволен. А сам воевал. Сам скакал на коне, стрелял из пулемёта.

Па́па мой очень добрый. Мы с братом однажды сказали па́пе: «Купи нам мороженое. Но побольше. Чтобы мы наелись». — «Вот тебе таз, — сказал па́па, — беги за мороженым». Ма́ма сказала: «Они ведь простудятся!» — «Сейчас лето, — ответил па́па, — с чего бы им простудиться!» — «Но горло, горло!» — сказала ма́ма. Па́па сказал: «У всех горло. Однако мороженое все едят». — «Но не в таком количестве!» — сказала ма́ма. «Пусть едят, сколько хотят. При чём тут количество! Больше они не съедят, чем смогут!» Так сказал па́па. И мы взяли таз и пошли за мороженым. И принесли целый таз. Мы поставили таз на стол. Из окна светило солнце. Мороженое стало таять. Па́па сказал: «Вот что значит лето!» — велел нам взять ложки и сесть за стол. Мы все сели за стол — я, па́па, ма́ма, Боба. Мы с Бобой были в восторге! Мороженое течёт по лицу, по рубашкам. У нас такой добрый па́па! Он столько купил нам мороженого! Что теперь нам не скоро захочется...

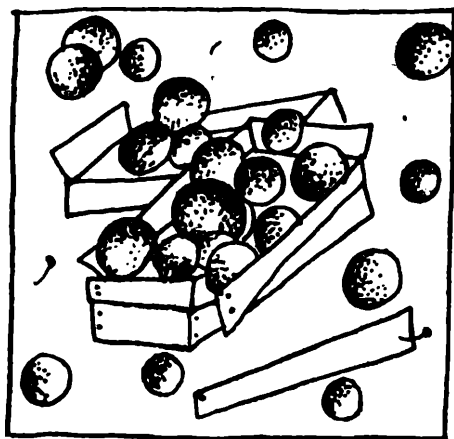
Двадцать деревьев посадил па́па на нашей улице.

Сейчас они выросли. Огромное дерево перед балконом. Если я потянусь, я достану ветку.

Я жду папу. Сейчас он появится. Мне трудно глядеть сквозь ветки. Они закрывают улицу. Но я нагибаюсь и вижу всю улицу.

МОЙ ПАПА ИДЁТ
ДИРИЖИРОВАТЬ

Я слышу в комнате папин голос. Он дома, а я всё торчú на балкóне!

А на столé-то! Печенье, конфёты, две бáнки варёнья, два тóрта, две бáнки компóта, замечáтельная любите́льская колбасá, ветчинá и яблoки, ещё две ка́кие-то корóбки и други́е вку́сные ве́щи. Прóсто цéлый магази́н!

— Вот так да! — говорю. — Как ты здесь очу́тился?

— Отста́нь от отца́, — говори́т мне ма́ма, — он се́годня идёт дирижи́ровать...

Я видел однажды, как он дирижировал. Папа тогда взял меня с собой. Я сидел в большущем зале. Все глядели на сцену. Там на сцене был папа. Он стоял спиной к залу, лицом к оркестру. И кругом было тихо-тихо. Потом папа взмахнул вверх руками — и весь оркестр как грянет! Я даже вздрогнул. Я глядел на люстры, на всех людей. Я вертел головой и всё время вставал. «Что ты скачешь?» — сказали мне. «Я не скачу», — сказал я. Меня вывели силой из зала. «Я с папой», — сказал я, — он там дирижирует». — «А ты не врешь?» — «Что мне врать, — сказал я, — там мой папа». Меня привели прямо к папе. Спросили: «Ваш сын?» Мой папа был мокрый от пота. И волосы папины были мокрые. Я смотрел на него и не мог понять: почему папа мокрый? Папа снял пиджак. Вся рубашка была тоже мокрой. Как будто его водой облили. Он сказал: «Вот какая работа...» Я был так удивлен, что не знал, что ответить. Всё время твердил: «Пошли... пошли...» — и тянул папу за руку...

Гро́мко пла́чет сейча́с мой брат Боба. Он хо́чет, чтоб па́па его́ взял с собо́й. Но па́па его́ брать не хо́чет. Па́па уже́ брал меня́. С него́ хва́тит.

Па́па. Я се́годня иду́ дирижи́ровать!

Ма́ма. Да, но э́ти заплáтки...

Па́па. Ка́кие заплáтки?

Ма́ма. Ты забы́л? Твои́ брю́ки с заплáтками.

Па́па. Я ве́дь стою́ спиной к лю́дям!

Ма́ма. Я ни при че́м. Ты прекра́сно зна́ешь! Помешанны́й на сво́их мандари́нах! Всю зи́му таска́л э́ти ящи́ки! Лю́ди ду́мают, ты сумасше́дший!

Па́па. Кто ду́мает? Ты мне его́ покажи́!

Ма́ма. Все ду́мают! Ра́зве одни́ мандари́ны? За че́м два прие́мника? Два патефо́на?

Па́па. Но их же две́е? Пусть слу́шают му́зыку...

Ма́ма. Оче́нь им нужна́ тво́я му́зыка!

Па́па. Всем нужна́ му́зыка.

Ма́ма. Но не в таком коли́честве!

Па́па. Я ведь спешу́... я сегодня́ иду́ дирижи́ровать...

Ма́ма. Ну так иди́ дирижи́руй!

Па́па. Выходи́т, что я не могу́ дирижи́ровать!

Ма́ма. Хоть раз в жи́зни купи́л бы кастрю́льку!

Па́па. За́чем мне кастрю́лька? Сама́ покупай!

Ма́ма. А, значи́т, я виновата́?.. С моём больным се́рдцем... с таким челове́ком... как мо́жно!.. Дай, Пётя, воды́...

Я бегу́ за водо́й на кúхню. Даю́ ма́ме пить. Ей ста́новится лу́чше.

Ма́ма. Пусть все соседи́ ска́жут!

Па́па. Я ведь иду́ дирижи́ровать...

Ма́ма. Пусть все соседи́ ска́жут!

Па́па. Что ска́жут?

Ма́ма. Пусть они́ ска́жут!

Па́па вздыхает. Он говори́т:

— Приде́тся штаны́ одолжи́ть у сосе́дей.

Ма́ма. Кто одолжи́т тебе́ свои́ штаны́?

Па́па. Ко мне все прекра́сно отно́сятся. Все, абсолю́тно все! Наприме́р, Ли́верпуль... Нет, лу́чше я пойду́ к Али́, он ко мне непло́хо отно́сится...

Ма́ма мне говори́т:

— Пётя, слы́шишь? Вот твой папа́ша! Не будь та́ким! Будь толкóвым. А то, вот то́чно так же, пойдёшь в заплáтках... куда́-нибудь там... дирижи́ровать...

Я говори́ю:

— Я никуда́ не пойду́ дирижи́ровать.

— Ещё неизвёстно,— говори́т ма́ма.

Па́па мой говори́т:

— Пойде́м, Пётя, со мной за штанáми.

Мы иде́м с па́пой к дяде́ Али́. Дядя́ Али́ — это па́па Изма́йлов. Он то́лько что пришёл с рабо́ты. Я ви́дел

его с балкона. Он даже мне улыбнулся. Конечно, он папе даст штаны. И папа пойдёт дирижировать. Мне тоже нужно к дяде Али. Он обещал меня взять с собой, показать мне вышки, как бурят нефть и фонтан нефтяной. Хотя, правда, фонтан — это редкость. Но, кто знает, может быть, мне повезёт.

ПАПА ТАМ, А МЫ ЗДЕСЬ

Я, ма́ма, Бо́ба, старик Ли́верпуль, дядя Али́, Фать-ма́ Хану́м, Рафи́с, Раси́м, Раи́с, Рами́с — все сиди́м у прие́мника. Сейча́с па́пу объя́вят по ра́дио. И заигра́ет оркэ́стр. Хотя́ па́пу не бу́дет ви́дно, но мы́-то зна́ем: он там на сце́не; он дирижи́рует э́тим оркэ́стром. Мы все ду́маем здесь о па́пе, а он ду́мает там о нас. Хотя́ там ему́ некогда́ ду́мать, но э́то ведь ниче́го не значи́т! Па́па мой выступáет по ра́дио. Тако́го ещё́ никогда́ не бывáло!

- До́лго жда́ть,— говори́т Ли́верпуль.
- Сейча́с, сейча́с,— волну́ется ма́ма.

— Молодѣц Волóдя! — говорѣт Фатьмá.

В какóй раз мáма рассказывает:

— Я и не думала, он звонѣт вдруг по телефóну, так и так, говорѣт, тóлько что я узнал, меня бóдут транслѣровать. Я кричóу: «Что транслѣровать?» Он отвечáет: «Меня транслѣровать». Я говорóу: «Какím образом?» Он говорѣт: «По рáдио». А я всё не поймóу, ведь впервые... Кóгда поняла, так волновáлась!

— За такóго человекá, как Волóдя,— говорѣт Лѣверпуль,— я с удовóльствием выпил бы. За негó я гóтов всегда выпить.

— Опя́ть всё про то! — возмущáется мáма.

— Нет, за успѣх,— говорѣт Лѣверпуль. — Я за успѣх... Я не прóсто так...

— Да прекратѣте вы,— говорѣт мáма.

— Сейчáс начнѣтся!

— Нѣту там ничегó,— говорѣт мой брат Бóба.

— Там твой пáпа,— говорѣт мáма.

— Где же пáпа, раз там егó нет?

— Суетá суѣт,— говорѣт Лѣверпуль.

— Вы опя́ть пьяный? — говорóу я.

— Тебя́ не касáется,— говорѣт он.

— Тáк-то так,— говорóу,— но всё же...

— Понимáешь, это со мной бывáет. Не то чтóбы кáждый день. Но довóльно чáсто. Я не скажóу, что всё это здóрово. Навѣрное, это дáже плóхо...

— Отвратѣтельно! — говорѣт мáма.

— ...но тут, брат, ничегó не подѣлаешь. Тут, такóе, брат, дѣло. Привык я — и всё тут! Ну, ты не поймѣшь...

— Понимáть-то нѣчего! — говорѣт мáма.

— ...В óбщем-то это сквѣрная штóка. А глáвное, что бесполезная. Тóлку от этого нѣту. Ну, совершенно нет тóлку. Нискóлечко... Трудно сказáть, зачѣм я это дѣлаю. Но я это дѣлаю. И никому́ не совѣтую...

— Да прекратѣте вы! — говорѣт мáма.

— ...Ты, брат, не думай, что я несчастливый. Я может быть, даже самый счастливый. Я видел свет, много разных людей, а теперь я здесь, с вами... Твой отец плавал на шхуне «Мария»... Это шхуна была, я вам скажу! Таких шхун поискать на свете! Твой отец там плавал юнгой. До великих событий. Потом эти события — он на коня. Командир эскадрона! Как в сказке!..

— Замолчите вы! — кричит мама.

— Таких людей, — говорит Ливерпуль, — как твой отец, очень мало на свете.

— Что такое, — вдруг говорит Али, — шкала на Париже?

— О! Париж! — говорит Ливерпуль. — Я там не был...

— Почему шкала на Париже? — говорит дядя Али.

— О каком Париже вы говорите? — говорит мама.

— О самом французском, — говорит он.

— Ой, — кричит мама, — шкала на Париже! Приёмник совсем на другой волне!

Мой брат Боба куда-то исчез. Конечно же, это его рук дело! Каждый крутит приёмник. Все ищут волну. Наконец-то! Мы слышим гром оркестра.

— Какая досада! — волнуется мама. — Володю уже объявили!

— Ура! — кричу я. — Ура!

— Уррра!! — кричат братья Измайловы.

— Какая досада, — говорит мама. — Как это можно! Ведь самое главное! — Маме обидно. Она ищет Бобу.

Боба лежит под кроватью. Он чувствует что-то неладное.

— А ну, выходи! — кричит мама. — Сейчас же!

Он не думает вылезать.

— Я жду! — кричит мама. — Давай вылезай!

— Оставьте его, — говорит Ливерпуль.

— Я ему покажу! — кричит мама. — Ведь он ненормальный!

— Я спрошу его, — говорит Ливерпуль. Он подходит к кровати и спрашивает: — Ты варёные галоши не ел?

— Не ел, — отвечает Боба.

— Тарелки в суп не крошил?

— Не крошил.

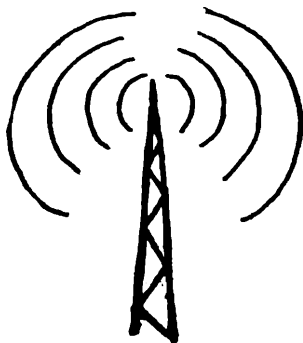
— Затылком ничего не видел?

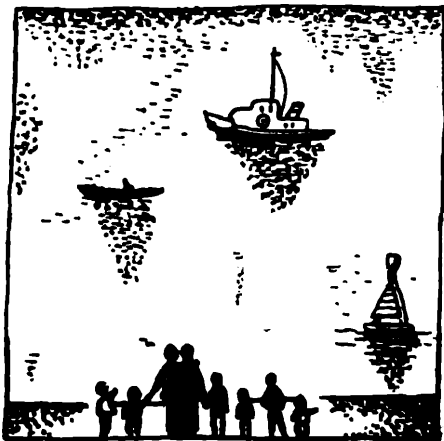
— Ничего не видел.

— Какой же он ненормальный?! Вы слышите? Дай ему бог здоровья!

— Ливерпуль, Ливерпуль, — говорит мама, — вы мне ребёнка калечите.

Братья Измайловы поют песню. Под мощный гром оркестра.

В стéну к нам постучáли Измáйловы. Мы всегда стучим к ним, а они стучат к нам. Это нáша связь.

Я бегу к ним узнать, в чём дéло.

Рамис, Рафис, Расим, Райс — в бéлых рубáшках, в панáмках и в синих сандáлиях. Дядя Али говорит:

— Как Волóдя? Не хóчет ли он прогуляться с детьмí? Такой вéчер! Вот мы все готóвы.

Мой пáпа спал. Но он встал сейчáс же.

— Да, да, да! — сказа́л он. — Немéдленно! Мы идём прогуляться!

Это так неожíданно!

Я ищú свой костюмчик. Мой брат Бóба пла́чет. Он сам не мóжет одéться.

— В чём дéло? — говорит ма́ма.

— Скорéй, — говорит па́па, — вéчер чудéсный, Али ждёт нас, дéти ждут, я пойду́ умóюсь...

Мой па́па идёт умывáться.

— Я не пойму́, — говорит ма́ма, — он же спал...

Па́па мой одева́ется. Я одева́ю Бóбу.

— Сумасше́дшие! — говорит ма́ма.

Вот и тётя Фатьма́. Она́ нас торóпит. У них разгово́ры с ма́мой. Им гуля́ть не́когда. Им ну́жно погово́рить. Все круго́м им меша́ют. Всегда́ не даю́т разгова́ривать.

Мы идём на бульва́р всей компа́нией. У нас замеча́тельная компа́ния! Ра́зве лу́чше быва́ют компа́нии? Че́тыре мо́их лу́чших дру́га — все в бе́лых руба́шках и си́них санда́лиях. Я в кра́сных санда́лиях, а Бóба в ко́ричевых. Бóба несёт заводно́й парово́з, а Рафи́с винто́вку. У него́ замеча́тельная винто́вка. Её сде́лал дядя Али́. Он всё мóжет сде́лать — стул, стол, табурéтку... У нас в про́шлом году́ была́ ёлка огро́мная. Мы ста́ли ста́вить её — ну ника́к! — ёлка всё вре́мя па́дает. «Крест на́до, — говорит па́па, — где я возьму́ его́?» Мы о́пять ста́вим ёлку в бо́конок, а ёлка всё вре́мя па́дает. Вхо́дит дядя Али́, говорит: «У вас до́ски есть?» Мы говорим: «Ка́кие до́ски?» — «Деревя́нные», — говорит он. Я принёс две дощéчки. А он говорит: «То́лще есть?» Я говорю́: «То́лще есть». Он говорит: «Ташц́ их». Он берёт э́ти до́ски: раз-два — и крест гото́в. Мы так уди́вились! Сосéди у нас про́сто ре́дкие. Мы к ним ходим. Они́ ходят к нам. Па́па му́зыке у́чит Ра́йса, Рами́са, а Раси́м, Рафи́с ещё ма́ленькие. А то па́па их то́же учи́л бы.

Мы идём на бульва́р всей компа́нией.

А на бульва́ре наро́ду! Мо́ре как зéркало. Играёт

музыка. Папа держит меня крепко за руку, а я иду по барьеру. А за барьером море. Там катают на катере.

— Кто со мной? — говорит папа. Он идёт первый на пристань.

Мы садимся в катер. Мотор тарахтит, и мы едем. А я сижу с гармонистом. Он всю играет. И поёт просто здорово:

Любимый город может спать спокойно...

Я тоже пою, поют братья Измайловы. Все поют.

С моря город наш весь в огнях. Будто фейерверк. Очень красиво!

Только жалко, что мало катались.

— Ещё хотим! — кричат братья Измайловы. Катер подходит к пристани.

Брат мой Боба схватился за поручни. Еле-эле его оторвали.

Он идёт и ревет на весь бульвар.

— Прекрати, — кричит папа, — мне это не нравится!

Мы заходим в тир.

Папа с дядей Али стреляют. А нам не дают. Мы стоим, смотрим, даже не просим. Мы знаем, нельзя мешать, раз люди целются.

— Все в десятку, — говорит папа.

Он снова целются, а мы смотрим.

— А где Боба? — говорит папа.

Мы выбегаем из тира. Папа даже забыл свою премию.

Возле тира толпа.

— Что случилось? — говорит папа.

— Да вот, мальчик тут потерялся. А где живёт, не знает. То есть он номер дома помнит. А улицу он забыл.

— Где этот мальчик?

Да разве увидишь здесь мальчика! В такой толпе!
Мы, конечно, его не видим. Зато мы слышим, как он
говорит:

— Я забыл свою улицу...

Ну конечно же, это Боба!

Ему говорят:

— Вспоминай, мальчик, это ведь важно.

— Сейчас, — говорит Боба, — вспомню...

Ему говорят:

— Ты не торопись. Вспоминай без волнения.

А он говорит:

— Я совсем не волнуюсь.

Ему говорят:

— Ты кушать хочешь?

— Хочу, — говорит Боба.

— Сыр хочешь?

— Сыр не хочу.

— А конфету?

— Конфету хочу.

— Тебя хорошо кормят?

— Плохо.

— Товарищи! Мальчика плохо кормят! Тебя очень
плохо кормят?

— Очень.

— А чем тебя кормят?

— Всем.

— Значит, ты не бываешь голодным?

— Бываю.

— Как же ты бываешь голодным, если тебя всем
кормят?

— А я не бываю голодным.

— Ты же сказал, что бываешь.

— А я нарочно.

— Зачем же ты нас обманываешь?

- Просто так.
- Ты всех обмáнываешь?
- Всех.
- Зачем же ты это делаешь?
- Просто так.

— Смотрите какой! Просто жуть! Ну и ребёнок!

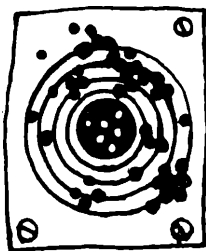
Тогда папа сказа́л чуть не целую речь. Он сказа́л:

— Товáрищи! Это мой сын. Он сбежа́л из тира.

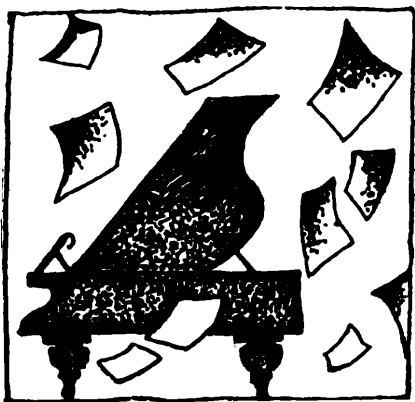
Дава́йте-ка мне его сюда́! Я его отец. А болта́ет он здорово. Это уж ве́рно. Вы это са́ми заметили. И где то́лько он научи́лся болта́ть! Просто диву даёшься! Я ви́жу, он вам понравился. Но я вам его не оста́влю. Раз уж он мой сын.

Тогда́ все расступи́лись. Мой па́па взял Бóбу на плéчи. Пожела́л всем успе́хов в рабо́те. И мы пошли́ домо́й.

А прэ́мия в тире оста́лась. Тут всё на све́те забуди́шь!

МОЙ ПАПА ПИШЕТ МУЗЫКУ

Наш па́па се́годня до́ма. Се́годня он не и́дет в му-
зыка́льную шко́лу, где он обы́чно преподаёт. Се́годня
у па́пы свобо́дный день. Се́годня он пи́шет му́зыку.
В э́то вре́мя у нас до́ма ти́хо. Мы с ма́мой хо́дим на
цы́почках. Бра́т мой Бо́ба ухо́дит к Изма́йловым.

Наш па́па пи́шет му́зыку!

— Тру-ру-ру! — напева́ет па́па.— Та-та́! Та-та-та́!

Э́то пра́вда, я не люблю́ Клеме́нти. Не о́чень люблю́
я му́зыку. Но когда́ па́па вот так за ро́ялем, поёт и
игра́ет, и пи́шет но́ты,— мне ка́жется, он сочи́яет
марш. Му́зыку я не люблю́, э́то ве́рно. Я люблю́ ра́зные

пéсни. Те, что пою́т солда́ты. И ма́рши люблю́, что гре-
мя́т на пара́дах. Если бы па́па мой написа́л тако́й
марш! Я был бы о́чень дово́лен. Я па́пу проси́л об э́том.
Он мне обеща́л. Мо́жет быть, он сейча́с пи́шет марш
для солда́т? Мо́жет быть, я уви́жу когда́-нибудь це́лый
полк — все с винто́вками, в ка́сках, раз-два! раз-
два! — все шага́ют под грóмкий па́пин марш! Как э́то
бы́ло бы здо́рово!

— Ты пи́шешь марш? — говорю́ я па́пе.

— Марш? Како́й марш?

— Са́мый воéнный,— говорю́ я.

— Убери́ его́,— говори́т па́па.

— Марш отсю́да! — говори́т ма́ма.

Я иду́ на балко́н. Ви́жу де́вочку с ба́нтом. Поду́-
маешь, бант! Па́па мой пи́шет му́зыку! Мо́жет быть,
марш!

— Тру-ру-ру! — поёт па́па.

Ага́, слы́шит, наве́рное! Пусть она́ зна́ет. Все́ де́-
лает вид, что не слы́шит!

— Трам-та́м! — стучи́т па́па по кры́шке ро́ля.

Э́то нельзя́ не услы́шать.

Она́ поднима́ет го́лову. Но я смотре́ю в сто́рону.
Пусть она́ зна́ет!

— Бам! — Па́па сту́кнул по кры́шке ро́ля. С та-
ко́й си́лой, что я да́же вздро́гнул.

— Бам!!! Бам!!! Бам!!! — Он стучи́т кулако́м по
кры́шке.

— Ага́! Ну, каково́?

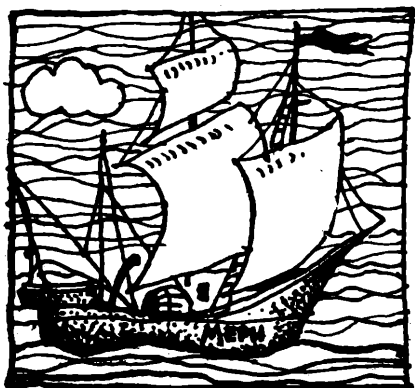
А она́ то́лько ба́нтом махну́ла.

Тогда́ я разозли́лся и кри́кнул:

— Эй, ты! Не́чего здесь проходи́ть! Слы́шишь? Не́-
чего!

Расстро́енный, я уше́л с балко́на. Я ви́жу, и па́па
расстро́енный. Он сиди́т, подперёв руко́й ще́ку. Тако́й
весь печа́льный.

ОЛИМПИАДА ВАСИЛЬЕВНА
И ДЯДЯ ГОША

Миша кривляется, стрóбит рóжи, показываает всем язык. А папа сидит с ним рядом, считаёт в такт: «Раз — и, два — и, три — и...»

Занимáется папа беспла́тно. Потому́ что зна-ко́мый.

— Вы золотóй человек, — говорит Олимпиада Васи́льевна.

— Баловник он у вас, — отвечаёт ей папа.

Она́ кричи́т сы́ну в у́хо:

— Где совесть? Где совесть? Где совесть у чело-вэка?!

Он перестаёт стрóбить рóжи. Но ненадóлго.
— Бессóвестный! — кричít Олимпиáда Васи́львна.

— Онí все такие,— говорít па́па.

— Все бессóвестные,— говорít Олимпиáда Васи́львна.

Почему́, думал я, его́ учат му́зыке? Почему́ меня́ учат му́зыке? Почему́ всех круго́м учат му́зыке? Если никто́ не хо́чет? Этого я не мог понять!

— Вот тут вам подáрок,— говорít Олимпиáда Васи́львна.

— Бро́сьте вы это,— говорít па́па.

— Нет, пожа́луйста, я вас прошу́.

— Я вас то́же прошу́,— отвеча́ет па́па.

— Нет уж, вы позво́льте...

Па́па смеётся.

Ма́ма моя́ говорít:

— Он стра́нный. Вы не обраща́йте внима́ния.

— Я-то ви́жу,— вздыха́ет Олимпиáда Васи́львна. Она́ почему́-то всё вре́мя вздыха́ла.

За ней приходíл её муж — дядя Го́ша.

Ми́ша то́тчас же вска́кивал и во всю глóтку вопи́л: «Коне́ц!»

Он хоте́л скорее́ домо́й.

Дядя Го́ша ходи́л по ко́мнате.

— Где сейча́с моряки́? — ора́л он.— Нет сейча́с моряко́в! Это то́чно. Это ведь факт!

— Что — факт? — спрашивал па́па.

— Слу́шайте да́льше. Не перебива́йте. Вы зна́ете голу́бку «Куи́н Ме́ри»?

— Не зна́ю,— говорít па́па.

— Так вот, я пла́вал на э́той голу́бке, на э́той ста́рой посу́дине. Под паруса́ми, нет, на всех пара́х! Мы несли́сь, я вам скажу́, как че́рти! Сто во́семьдесят миль в час! Как вам э́то ка́жется? Как э́то поётся:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца, го-го-го!» — так, кажется? Чудесная песня! Мда... так вот, это было зрелище!

— Как интересно! — говорила мама.

— Я был в Африке, крокодилы так, можно сказать, и лезут, но наш брат, ему карты в руки... ребята с нашей галоши...

— Чего? — спрашивал я.

— Ты помолчи, — говорил он мне. — Так вот, значит, о чём это я? Да! Наш корабль возил опоссумов. Для разных там зоопарков. Вы видели опоссумов? Они вылезали из ящиков, гуляли по палубе, как матросы. Мы кормили их. Вместе с ними резвились... Это милейшие звери!

— Как они выглядят?

— Очень мило, чертовски мило, носик кнопкой, хвостиком, — чудесные! А когда я был в Марселе...

— Вы были и там? — удивлялась мама.

— Я был везде! — отвечал дядя Гоша.

— Интересный вы человек! — говорила мама.

Он продолжал задумчиво:

— Я был в Лондоне и в Амстердаме... Забыл, кстати, про опоссумов! Они, черти, жрут шоколад, ха-ха-ха!

Смеялся он долго. Потом вдруг прекращал внезапно. И начинал говорить очень быстро:

— Каир, Стамбул, языки мне даются легко, всем обязан морю, поездки, лианы, магнолии, кактусы... сербский, немецкий, французский...

— Хватит, — просил папа, — дальше не надо.

— Нет, почему же, я не устал.

— Я понял всё, — говорил папа.

— Ну хорошо, — соглашался он. — Дети ваши всегда пусть заходят. Прошу! Им нужны сласти. Конфеты и прочее.

— Спасібо,— говоріл папа.

— Счёт, как в банке!

— Спасібо,— говоріл папа.

Олимпиада Васильевна не слúшала. Она ушла на балкóн. Она не слúшала дядю Гóшу. Ей было неинтересно.

Я смотрю, а папа такой усталый! У него глаза закрывáются. Он хóчет спать.

Дядя Гóша всё ходит по кóмнате. Он бьёт по шкафу ладо́нью:

— Как вы так живёте?

Па́па. Как?

Дядя Гóша. Ну, у вас, напрымёр, нет шкафа.

Па́па. Как нет, а это что?

Дядя Гóша. Вот этот ста́рый ящик?

Па́па. А что?

Дядя Гóша. Нет, я вас не пойму́, ведь вам карты в ру́ки!

Па́па. И я не пойму́.

Дядя Гóша. Я никогда́ не пойму́, как так можно жить!

Па́па. Как?

Дядя Гóша. Вот так.

Ма́ма. Да, да, да... я ему́ говори́ла...

Дядя Гóша. Пра́вда, тут роль играёт хозяйка...

Ма́ма. Я виновáта?

Дядя Гóша. Я уж не зна́ю...

Ма́ма. С моим больным се́рдцем...

Па́па. Я вас прошу́, прекратите!

Дядя Гóша. Ведь вам карты в ру́ки... Новейший шкаф... я в одно́м до́ме ви́дел... Я вам добра́ желаю. Я от души́, так сказа́ть. Мне-то ведь всё равно́. Но на ва́шем бы ме́сте...

Па́па. Что на на́шем ме́сте?

Дядя Гóша. Я купи́л бы отличный шкаф.

Па́па. Ещё́ что?

Дядя Го́ша. Купи́л бы отличную лю́стру. Ведь вам ка́рты в ру́ки!

Па́па. Скажи́, пожа́луйста, почему́ мне ка́рты в ру́ки? Я совершенно́ не по́нял.

Дядя Го́ша. Ведь ты музыкант. Так сказа́ть, эстетиче́ски — музыка́льное движе́ние ду́ш. Пра́вильно я говорю́? Я, брат, всё понима́ю. Я ва́шего брата́ зна́ю. Культурный ты челове́к и́ли нет? Ведь у тебя́ есть де́нги. Ты тра́тишь их не туда́. Понима́ешь? Они́ не туда́ иду́т, не туда́! Ты подума́й, ведь я для тебя́, для твоёй же по́льзы, ведь я тебе́ то́лько добра́ желáю!

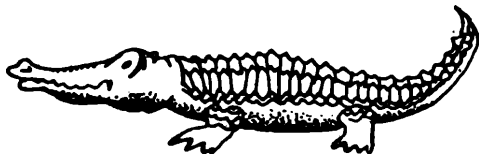
А па́па спит. Он уже́ ниче́го не слы́шит. Так и не узна́ет он э́того! Так и бу́дет он тра́тить их не туда́. Так и не купи́т шка́фа мой па́па. И лю́стру то́же не купи́т. Он спит. И ниче́го не слы́шит. А то, что слы́шал,— забы́л. Что же де́лать. Тако́й челове́к мой па́па!

На́ши го́сти уходи́т. Вздыха́ет Олимпиа́да Васи́льевна. А па́па спит.

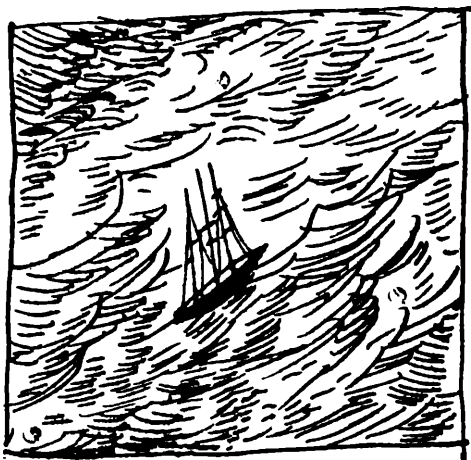
Я иду́ закры́вать за ни́ми дверь. Даю́ на проща́нье щелчо́к Ми́ше. Он кидáется дать мне отве́тный щелчо́к. Но по́здно. Я бы́стро захло́пнул дверь.

— Краси́вая же́нщина,— говори́т ма́ма.— А Го́ша тако́й романти́чный!

А па́па спит.

СТАРИК ЛИВЕРПУЛЬ И ПАПА

Папа курил свою трубку. Дым из трубки шёл вверх, к поголку. Старик Ливерпуль дул на чай и грыз сахар. У него все зѳуы цѳелые. Мама спрашивает всѳкий раз: «И как ѳто вы сохранили зѳуы?»

Он постукивает по зубам ногтями и говорит, что ел крабов, омаров и жѳлуди.

Папа мой говорит, что он тѳже ел жѳлуди.

Мама машет рукой и смеѳтся. Не верит она в то, что папа ел жѳлуди.

— Дорогой Ливерпуль,— говорит мама,— что за чушь?

Онй думали, что я сплю, но я не спал, а приоткрыл даже чуточку дверь, чтобы видеть их лица.

Старик Ливерпуль любит папу. Когда папа мой плавал юнгой (это было совсем давно), он был в краях Ливерпуля. И хотя это было давно, папа помнит, какие там были деревья, дома, даже небо...

Старик Ливерпуль. Да, да, да, точно такое небо!

Папа. Я же помню.

Мама. Гоша там тоже был.

Папа. Этот Гоша просто болтун.

Мама. Ничего подобного!

Старик Ливерпуль. Где был Гоша?

Мама. Там, где и вы.

Папа. Никогда он там не был.

Мама. Как можно...

Папа. Я совсем забыл. Он там действительно был, успокойся.

Старик Ливерпуль. Был, и слава богу!

Мама. А я что говорю?

Папа. То же самое.

Мама. Ну так вот!

Все молча пьют чай. Только слышен хруст сахара.

Ливерпуль. В мире сейчас тревожно. А когда Гесс перелетел в Англию...

Папа. Это было давно. А вот Гитлер — это уже не Гесс...

Мама. У нас мир с фашистами.

Папа. Какой может быть мир с фашистами! В этот мир я мало верю.

Мама. Как это ты не веришь? Мир есть мир.

Папа. Что верно, то верно...

Почему в мире тревожно? Кто такой Гесс? И ещё этот Гитлер... Всё было так интересно! Но понять я не мог ничего.

Ворóчается мой брат Бóба. Он лежít рядом со мной в э́той же ко́мнате. Он встаёт вдруг с кровати, идёт к дверя́м. Приоткры́в дверь, говори́т Лíверпулю:

— А вы мо́жете съесть песо́к?

Все смею́тся. Бóба бежи́т о́братно.

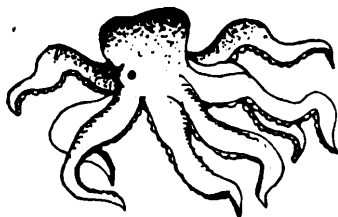
Ма́ма плóтно закры́ла двéри. Тепéрь я ничегó не ви́жу. То́лько кое-что слы́шу:

— «Ма́рия» утону́ла в ты́сяча девятьсо́т семна́дцатом...

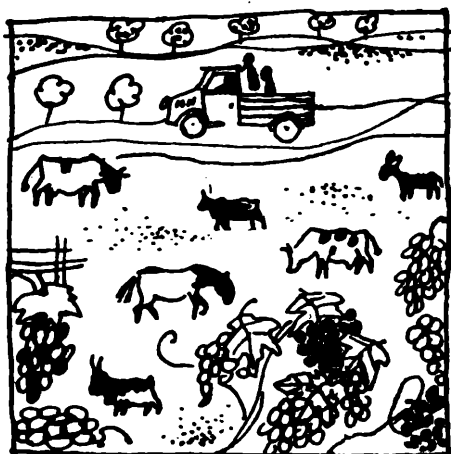
— Если Гесс перелетéл в Англию, то э́то значít...

— Чéрт его́ знаёт, что э́то значít, но факт, что он тудá перелетéл...

Я слы́шу хруст са́хара, ви́жу ома́ров в больш́их красных ша́пках, шху́ну «Ма́рию», Гéсса, кото́рый летít в свою́ Англию, сы́плет свéрху песо́к на шху́ну, и шху́на «Ма́рия» то́нет...

НА ДАЧУ!

Мы всё-таки ёдем на дачу!

— В Москвú бы поехать,— говорит папа.

— В какúю Москвú? — Мама не понимает.

— Мы сошли бы в Москвё на Казанском вокза-
ле... Что, разве было бы плохó?

— К чему это всё? — Мама не понимает.

Мой папа в Москвё родился. Он хóчет в Москвú.
Он давно там нé был. Он кáждый год в Москвú хóчет.
А мама не хóчет. Она́ здесь родилась. Она́ лóбит
дачу. И я люблю дачу. Кто дачу не лóбит? Я люблю

и Москвú. Кто Москвú не любит? Но что же дéлать! На дáчу мне тóже хóчется.

Мы стоим вóзле машины на úлице. Все нáши вéщи в кúзове. Мáма с Бóбой сéли в кабíну. Пáпа всё говорít про Москвú. Это с ним бывáет.

— Я спешú,— говорít шофёр.

Мáма вдруг говорít:

— Где подушка и чайник?

Я бегú за подушкой и чайником.

— Не забудь закрыть дверь! — кричít мáма.

Подушка огрóмная. Трудно бежáть. Я теряю крýшку от чайника.

— Онá гдé-то звякнула,— говорю я.

— Поищíte её! — кричít мáма.

Нас провожáет вся úлица. Здесь, конéчно, все брáтья Измáйловы. И другíе мальчúшки. Онí все бегúт на лéстницу. Ищут там нáшу крýшку. Шофёр говорít:

— Это мне надоéло.

— Вы же вíдите,— говорít пáпа.

— Я-то вíжу,— говорít он.

— В чём же дéло! — говорít пáпа.

Наконéц крýшка нáйдена. Я лéзу в кúзов. Любóй хóчет éхать в кúзове! Брáтья Измáйловы éдут зáвтра. Онí éдут в пионерлáгерь. Но их повезúт в автóбусе. Онí не поéдут в кúзове.

— Отойдíte! — кричú я.— Ведь éто машинá! А не какáя-нибудь там повóзка!

— Ой,— кричít пáпа,— ведрó забыли!

Я бегú за ведрóм. Подаю ведрó пáпе.

— Ничегó не забыли? — кричít шофёр.

К нам спешít Лíверпуль.

— Чуть-чúть не опоздáл,— говорít он.

Старíк Лíверпуль всем жмёт рúки.

Мы трóгаем с мéста.

Все мальчишки бегут за нами. Кричат что-то и машут руками. Один Ливерпуль остался. Он стоит, смотрит нам вслед...

А мы всю едем! Ветер свистит. Волосы у папы растрепались. И у меня растрепались волосы. Уже нашего дома не видно. И всех мальчишек, и Ливерпуля...

Папа вдруг посмотрел на меня — я на папу. И мы рассмеялись. Не оттого, что растрепаны волосы. Не поэтому. А просто так. Это здорово — ехать на дачу, когда папа рядом, вот здесь, на вещах — вы себе не представляете!

Жаль, что днём едем. Лучше бы ночью. Тогда наши фары горели бы. Но днём светло. Это тоже неплохо. Очень трудно сказать, что лучше!

Вдруг я вспомнил про девочку с бантом... Эх, был бы я пиратом! Вот так мчался бы я в своей шхуне... Бьют волны, и шхуна качается... Там вдали виден корабль... В нём едет девочка с бантом... Со мной целый отряд... Я беру в плен корабль... «Ах, это вы! — скажу я. — Ну что ж, здравствуйте!» — «Ой! — вскрикнет она. — Дайте мне воды...» Я скажу: «Я вас всех отпускаю. Плывите себе на здоровье! Куда ваши глаза глядят...» Она скажет: «Ой, вы такой благородный! Просто дальше уж некуда! Я остаюсь с вами. Я влюблена!» — «Хорошо, — скажу я, — пожалуйста, как хотите...»

Стучит ведро о кастрюлю. Звенят ложки и вилки в мешке. Звенит крышка чайника.

Мы выезжаем из города. Куда ни глянь — вышки. Целый лес вышек.

Где-то здесь должен быть дядя Али. Может быть, он меня видит.

Мы едем берегом моря. Лодки в море и на песке. И белые чайки над морем, И сети. И скалы.

Мы едем сквозь виноградники. Блестит дорога на солнце. А по бокам виноградники.

Мы едем совсем рядом с поездом. Мы мчимся, и поезд мчится — кто кого перегонит!

Едут навстречу нам машины. Мы едем навстречу машинам.

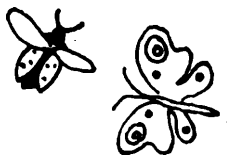
Идут навстречу нам люди. Мы едем навстречу людям.

Орёт осёл.

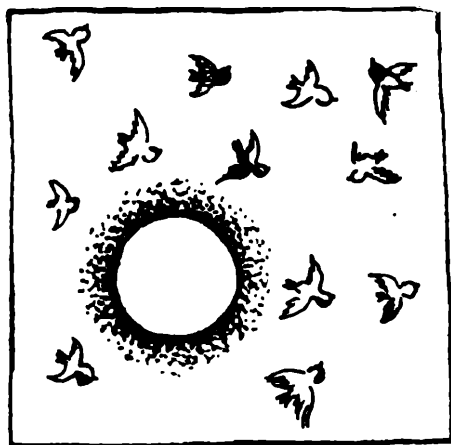
Кричат бараны, и блеют козы.

Кудахчут куры, кричит петух.

Наша дача уже совсем рядом!

НА ДАЧЕ

На даче у нас виноградники, инжировые деревья и айвовые деревья, а за деревьями и виноградниками море синее, а иногда зелёное, а когда дождь и ветер, — серое. Вот какое это море! А песок под ногами горячий. Но к этому я привыкну. В прошлом году мне так жгло ноги — вы себе не представляете! А потом я привык и ходил себе сколько влезет. У нас на даче есть бык. Он в сарае. Его звать Алёша. Я видел его только в щёлку сарая. Огромный бык. Рогá — во! Говорят, очень злющий. Тётя Эля, хозяйка наша, рассказывала. Он сломал два забора, двоих забордал,

много бед натворил. Бык страшнейший, ну, просто жуть! Иногда он протяжно ревет. Тогда мне становится страшно. Я бегу от сарая подальше. Я хватаю палку и жду. Я готов его встретить отважно. Мы только вчера приехали, а тётя Эля уже нам сказала:

— Смотрите, наш бык опасен!

Мама сказала:

— Как — опасен?

— Свирепый он. Не допускайте детей. Чтоб они дверь в сарай не открыли.

Мама сказала нам:

— Слышите?

Я-то дверь не открою. Вот Боба — он может. Что ему бык! Ему всё равно. Станный он человек! Я не верю, что я был таким, как он. Хотя мне говорят, что я был таким.

Я сейчас стою в винограднике. Вижу поезд вдали, белый дым. Слышу стук колёс. Кричат, кружатся в небе птицы. А солнце-то словно костёр горит! Вся голова моя тёплая. Мне бы в море сейчас!

Но мама меня одного не пускает. Очень жаль, что тут нет со мной братьев Измайловых!

Вон сидит на заборе мальчишка — весь чёрный. Нужно с ним познакомиться. Непременно я загорю, как он. Чего бы мне это ни стоило!

Я стою в винограднике. Это здорово, что мы на даче! Скоро наш виноград поспеет. Мы будем есть его сколько хотим. Пока не наедимся. Папа меня так учил: «Ты берёшь в руки кисть. Вот так, а другой рукой ягоды рвёшь. И кладёшь их в рот. Ты набираешь их полный рот. Как можно больше. Потом — раз! — надави все зубами. Ты понял? Вот как едят виноград!» Каждый год он повторял: «Погоди. Пусть он только поспеет. Я покажу тебе, как это делается. Пусть он только поспеет!» — «Это замечательно!» —

говори́л я. «Ещё бы! — говори́л па́па.— К тому́ же ты мо́жешь его́ суши́ть. Вон на той плóской крýше. Брезéнт расстели́ и суши́. Зимóй всех угости́шь». Ка́ждый год я собира́лся суши́ть. Но так и не суши́л ни ра́зу. В э́тот год я насушу́ два мешка́ и́ли три, и́ли да́же четы́ре...

Сейча́с па́па в го́роде, что же де́лать! У на́шего па́пы рабо́та. Он не мо́жет всё вре́мя быть с на́ми. Прие́дет он то́лько к ве́черу. Я ви́жу и́здали пóезд. Со всех ног я помчу́сь к калитке. Чтóбы встрéтить его́ на доро́ге.

Я стою́ в виногра́днике. Ско́ро весь виногра́д поспе́ет, инжи́р поспе́ет, айва́ поспе́ет, грана́ты поспе́ют... Я да́же стих сочи́л:

Сóлнце све́тит, и мо́ре сверка́ет,
И айва́ и инжи́р поспева́ет,
И растёт, и растёт виногра́д.
Как я рад! Как я рад! Как я рад!

Ма́ма и́щет меня́ по са́ду. Она́ де́ржит за́ руку Бо́бу. Вы слы́шите? Ма́ма зовет меня́.

Я иду́ ма́ме навстрéчу.

МОЙ ПАПА И АЛЁША

Таким я не видел папу. И мама его не видела таким. Он шёл странной походкой, весь в пыли, а в портфеле, в руках и во всех карманах — не сразу мы поняли, что это.

— Это редиска, — сказал я.

— Редиска?!

Зачём папе столько редиски?

Тут было чему удивиться!

Мы стоим на веранде и смотрим на папу. Он нас тоже видит. Кричит нам:

— Я был на базаре!

Он очень весёлый. Машет портфелем. Редиска летит во все стороны.

Мой папа был пьяный.

Мы это с мамой увидели.

— Что это значит? — кричит ему мама.

А папа — он был таким весёлым! — прошёл весь двор, прямо к двери сарая, открыл эту дверь и позвал быка.

Мама так испугалась! Ещё бы! Тёти Эли нет дома, её мужа нету, они оба в городе — что же делать?

— Иди-ка сюда, — зовёт папа быка.

Бык не идёт.

— Эй, Алёша! — кричит ему папа.

Бык выглядывает из дверей.

— Алёша! Кому говорю!

Тогда бык пошёл прямо к папе.

Он идёт прямо к папе, а папа кричит и ногой даже топнул и снова редиска попадала.

Бык спокойно подходит к папе. А папа к земле нагнулся. И собирает редиску.

Бык ждёт, когда он поднимется.

— Эх, Алёша, Алёша, — говорит папа.

— Уходи! — кричит мама. — Скорей уходи! Пока он ест!

А папа — он даже не слышит. Он и не думает уходить.

— Ешь, ешь, — говорит он Алёше.

Алёша ест с удовольствием.

— Теперь прогуляемся, — говорит папа.

Он берёт за один рог быка и тащит его прогуляться. И бык идёт следом за папой.

Папа делал круги по двору. Бык шёл за ним и ел редиску.

— Люблю лето, — говорил папа, — замечательное

здесь лёто. И со́лнце здесь замеча́тельное. Но в Москвú всё же хóчется. Я там роди́лся... Там то́же есть со́лнце... коне́чно... но не в тако́м коли́честве...

— Ты же пьяный! — кричи́т ему́ ма́ма.

— Сейча́с я приду́! — отвеча́ет па́па.

Я хочú бежа́ть к па́пе. Но ма́ма меня́ крèпко де́ржит за ма́йку.

— Что он де́лает!!! — кричи́т ма́ма.

А па́па не слы́шит. Он хóдит по кру́гу. Бык хóдит за ним. Ест реди́ску. И слу́шает па́пу.

— Охóта в Москвú... Там зимóй мно́го сне́гу... А ле́том? Ну... ле́том там то́же тепло́. Ну, не так, как здесь... Это ве́рно...

Бык смóтрит на па́пу. Реди́ска вся ко́нчилась.

— Нет,— говори́т па́па,— ты пойми́: со́лнце там то́же есть... но не в тако́м коли́честве...

Мне почему́-то смешно́ да́же ста́ло. Что па́па всё повто́ряет? Любо́й пойме́т, да́же бык. Что он всё повто́ряет?

Бык как заоре́т! А па́па его́ хлоп ладо́нью по ше́е. И бык замолча́л.

— То́же мне,— говори́т па́па,— взду́мал ора́ть! Мы все ора́ть мо́жем. Ты лу́чше послу́шай. Тебе́ чело́век говори́т, так ты слу́шай... И не ори́! Так и знай. Что оре́шь? То́же мне, разора́лся!

Бык внима́тельно смóтрит на па́пу.

— Ну, что уста́вился? — говори́т па́па.— Не написа́л я хоро́шей му́зыки. А почему́? Сам не знаю... Хотя́ мне всегда́ хоте́лось... И да́же сейча́с о́чень хóчется! А со́лнце здесь есть, э́то ве́рно... А там не в тако́м коли́честве...

Тут во двор вхо́дят дядя Баги́р, те́тя Эля и кто́-то ещё.

— Вай! — говори́т те́тя Эля.

Дядя Баги́р кричи́т:

— Бык! Смотрите!

— А,— говорит папа,— это вы!

— Осторожно! — кричит ему дядя Багир.

— Чепуха,— говорит папа,— всё чепуха...

Он бросает портфель и идёт прямо к нам.

Бык рвёт папин портфель. Летят ноты по ветру...

— Что с тобой? — Моя мама плачет. Она первый раз видит папу таким.— Что с тобой сегодня?!

— Ничего,— говорит папа,— всё Ливерпуль... Ливерпуль меня угостил... он меня угостил. За успех... он не просто так...

— За какой успех?!

— Ну... как, то есть? — сказал папа.— Я за успех...

Папе вдруг стало плохо.

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА

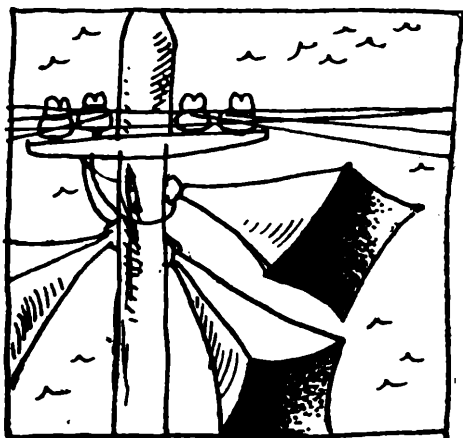
Я пошёл поглядеть виноград. Я-то знал, что он ещё зелёный. Но я хотел ещё раз поглядеть. Вдруг я вижу — бежит по дороге мальчишка, вокруг пыль столбом и жара такая, а он орёт:

— Война! Война!

Мама тоже вышла из дому. Слышит это и мне говорит:

— Вот негодный мальчишка! Вчера тоже кричал: «Пожар! Пожар!» А никакого пожара не было.

ЕЩЁ ОДНА МАЛЕНЬКАЯ ГЛАВА

Па́пе к вéчеру ста́ло лу́чше. Он пошёл на вокза́л прогуля́ться. Он всегда́ ходи́л на вокза́л прогуля́ться. Уж о́чень люби́л он вокза́лы! Ся́дет там где́-нибудь на перро́не и всё си́дит, отды́хает.

Верну́лся он о́чень бы́стро. Мой па́па вошёл и ска́зал о́дно сло́во:

— Война́!

Он не люби́л говори́ть мно́го слов. Тако́й был че́ловéк мой па́па!

Мы уезжаем с дачи.

Мне очень жалко дачу. Жалко мне виноград — он ещё не поспел... Жалко мне расставаться с морем...

Но мы уезжаем. Завтра едет на фронт наш папа. Мы будем его провожать. А сейчас мы садимся в машину. И едем в обратную сторону.

Мы едем по той же дороге. Опять еду я с папой в кузове. Но почему мне не весело? Мне даже не интересно. Хотя еду я в том же кузове. И мне могут опять все завидовать...

— Дождь будет, — говорит папа.

- А как же мы?
- Так же, как и сейчас.
- Но ведь дождь...
- Ну и что же?
- Но мы ведь промóкнем...
- Промóкнем...

А небо ужé совсем сéрое. И дождь пошёл.

Па́па мой достаёт одеяло. И мы накрываемся. Мы сидим под одеялом. А дождь хлещет и хлещет на нас. Всюду льётся вода. Наши вещи, наверно, промóкли...

Мы почти в темноте. Я гляжу в щёлку и вижу дождь — больше я ничего не вижу.

— Дурацкий дождь,— говорит па́па,— чёрт бы его побрал...

— Пло́хо,— говорю я,— когда едешь и ничего не видишь.

— Это верно,— говорит па́па,— не очень хорошо...

— И когда дождь — тоже пло́хо.

— То́же пло́хо,— говорит па́па.

— И когда но́ги мо́крые.

— То́же верно,— говорит па́па.

— Почему ты так мне отвечаешь?

— Как?

— Ну, как-то скучно...

— А тебе весело?

— Нет, мне почему-то не весело...

— Так вот и мне почему-то не весело.

— Потому что дождь?

— И дождь и война. Всё вместе.

— Но мы победим? Ведь верно?

— А как же!

— Эх,— говорю,— интересно всё же! Трах-бах — самолёты, танки...

Одеяло с нас чуть не свалилось. Па́па попра́вил его́ и сказа́л:

— Ну, ну, ну, не махай́ рука́ми.

— Тебе́ ка́ску даду́т? — говорю́.

— Даду́т, — говори́т па́па, — все́ даду́т.

— Она́ ведь, наве́рно, желе́зная. Да́же стальна́я.

Как ты ду́маешь, ка́ска стальна́я?

— Стальна́я, — говори́т па́па.

— Ты ходи́ в ка́ске, — говори́ю, — раз она́ вся стальна́я.

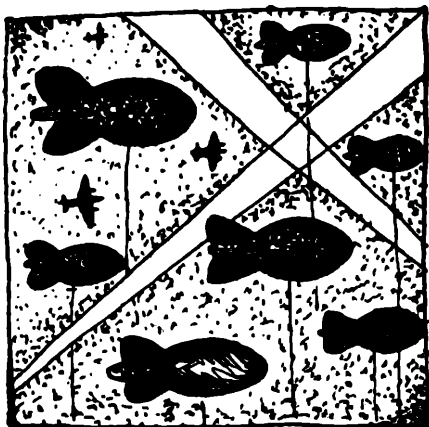
— Обяза́тельно, — говори́т па́па.

А дождь все́ льёт и льёт.

А мы все́ едем.

ДО СВИДАНИЯ, ПАПА!

Я, ма́ма, Бо́ба стоим на балкóне.

Мы гляди́м в темноту́ — всё вокру́г темно́, в на́шем городе затемне́ние. Там в темноте́ мой па́па. Мы слы́шим па́пины шаги́, мне ка́жется, я его́ ви́жу, вот он оберну́лся, махну́л нам руко́й... Он то́лько что вы́шел из дому. То́лько что с на́ми прости́лся. Он уходи́т всё да́льше, туда́, в темноту́.

— До свидáния, па́па! — кричу́ я.

— До свидáния, па́па! — кричи́т Бо́ба.

То́лько ма́ма стои́т с на́ми мо́лча.

Я кричу́ в темноту́:

— До свидания!

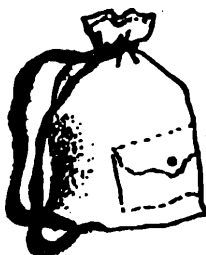
Бóба мáшет двумя рука́ми. Темно́та-то кака́я!
А он всё мáшет. Бúдто па́па его́ увидит...

...Шаго́в па́пы не слы́шно. Наверное́, он сверну́л
за́ угол. Мы с Бóбой кричи́м:

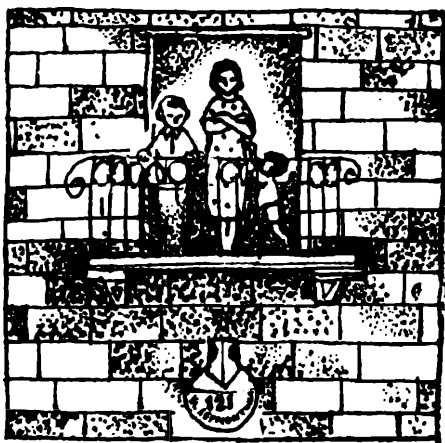
— До свидания, па́па!

Мой па́па уше́л на войну́.

Мы уходи́м с балко́на.

ПАПЫ НЕТУ

С утра наш телефон звонит. Все спрашивают: «Уехал?» — «Вчера, — говорю, — уехал». — «На фронт?» — спрашивают. «На фронт», — говорю. «Как жаль, — говорят, — не успели проститься!»

Быстро мой папа уехал. Никто не успел с ним проститься.

Звонят и звонят. Мамы нету. Я всем отвечаю. «Как, — говорят, — уже уехал?» — «Вчера, — говорю, — уехал». — «На фронт?» — говорят. «На фронт», — говорю.

Опять звонок.

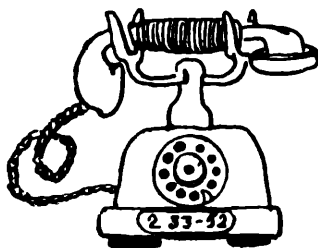
- Ваш отец дома? — спрашивают.
- Нет,— говорю,— он уехал.
- А когда приедет?
- Не скоро.
- А куда он уехал, если это не секрет?
- Это совсем не секрет. Он на войну уехал.
- На какую войну?
- Вы что, не знаете, что сейчас война?
- Некрасиво с его стороны, некрасиво!
- Что некрасиво?
- То, что он уехал.
- Почему же некрасиво?
- Он мне должен, а сам уехал.
- Чего должен?
- Кое-что должен.

Тут я прямо растерялся. Просто не знал, что ответить. Словно папа сбежал на войну от него. Просто меня зло взяло.

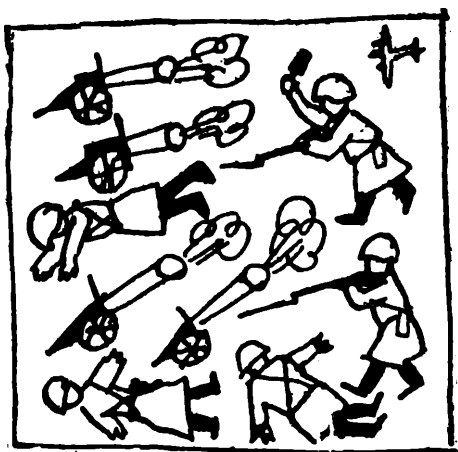
- Кто,— спрашиваю,— говорит?
- Не узнал, карапуз? Ну, будь здоров!
- Теперь узнал. Это дядя Гоша.

Когда меня раньше спрашивали: «Ты кого любишь?» — я отвечал: «Папу, маму и дядю Гошу».

Но это было раньше.

Я ВИЖУ ПАПУ

Мы с Бóбой едем в поезде. Мы едем с ним в Ба-
ладжáры к папе.

Всё так б́ыстро случи́лось! Так неож́иданно!
Вдруг звонит папа. Я сразу не по́нял, крич́у:

— Что вам н́ужно?

А он говор́ит:

— Мне н́ужен Пётя.

Я крич́у:

— Пётя вас сл́ушает!

А он говор́ит:

— Папа вас то́же сл́ушает.

Я как заорú:

— Где ты, па́па?

Он говори́т:

— Недалеко́.

Я кричу́:

— Как на фрóнте?

А он смеётся.

— Мы ещё, — говори́т, — не на фрóнте. Мы по до́роге на фронт. Эшелон наш пока́ в Баладжа́рах. Мы здесь пока́ задержались. Как там у вас? Всё в порядке?

— Конечно, — кричу́, — всё в порядке!

Па́па всё ма́му ждал. А её не́ было. Тогда́ па́па сказа́л, что он всех нас целу́ет, что́бы мы бы́ли дру́жны, чтоб я слу́шал ма́му и Бóба чтоб слу́шал, и па́па повёсил тру́бку.

Зна́чит, па́па от нас совсем́ бли́зко! То есть на пер́вой ста́нции. Там, наве́рное, пу́шки и та́нки. Целый по́езд военных. Па́па не́ был военным, когда́ уезжа́л. Он был в своёй ста́рой оде́жде. И пистоле́та у па́пы не́ было. И никако́й ка́ски не́ было. А сейча́с он, наве́рное, в ка́ске. И пистоле́т на боку́. Погляде́ть бы на па́пу!

Но па́па сейча́с в Баладжа́рах.

А я здесь сижу́. Просто́ глúпо, когда́ па́па там, а я здесь. Тем бо́лее он с це́лым войско́м. Тем бо́лее он в Баладжа́рах. Пря́мо, мо́жно сказа́ть, совсем́ ря́дом!

Я говори́ю Бóбе:

— Слу́шай, ты мо́жешь споко́йно сиде́ть?

— Где сиде́ть? — спра́шивает Бóба.

— Ну, ниче́го не трóгать.

— Чего́ не трóгать?

— Ниче́го, — говори́ю, — не хвата́ть и не трóгать, а прóсто сиде́ть, мо́жешь ты и́ли нет?

— Почему́? — говори́т Бóба.

— Я к па́пе еду!

— И я хочу́ к па́пе, — говори́т он.

— Ну тогда́, — говори́ю, — собира́йся! Быстре́й!

...И вот мы с ним е́дем в по́езде. Пра́вда, мы с ним разби́ли копи́лки — его́ мо́пса и мою́ ко́шку. Попадёт нам за это́ от ма́мы. Но зато́ мы купи́ли биле́ты. Мы е́дем с настоя́щими биле́тами. Как настоя́щие пасса́жиры. Нам совсе́м не жа́лко копи́лок.

— Очень ме́дленно е́дет по́езд. Ползёт еле-эле. Скорей бы! А то па́па нас не дожде́тся. Уе́дет он со своим во́йском.

Бо́ба засну́л. Пусть спит, раз челове́к хо́чет спать.

Я смотре́л в окно́, а пото́м переста́л, просто́ мне не до это́го. Здо́рово, что мы сейча́с е́дем к па́пе! Он, наве́рное, удиви́тся, ска́жет: «Как это́ вы вдруг здесь?!» Я скажу́: «Я уже́ во́все не ма́ленький. Ты мне сам говори́л. В че́м же де́ло?» Па́па, когда́ уезжа́л, сказа́л, что я, в обще́м, уже́ вполне́ взро́слый, поско́льку война́ и поско́льку я ста́рший. Что уж тут нас руга́ть! Тут руга́й не руга́й, всё равно́. Раз прие́хали.

Я стал ду́мать про па́пу. Как па́па мне рисо́вал корабле́й, такие замеча́тельные, с паруса́ми. Лу́чше всех корабле́й была́ шху́на «Ма́рия». Тут па́па всю́ю постара́лся. Ведь он пла́вал на это́й шху́не. Он её то́чь-в-то́чь зна́ет. «Я не худо́жник, — говори́л па́па, — но я постара́юсь». Он так всегда́ говори́л, когда́ мне рисо́вал. Но лу́чше это́й шху́ны он ниче́го не нарисова́л. Когда́ он нарисова́л её, я поду́мал: «Вот так не худо́жник! Настоя́щий худо́жник». Вы бы ви́дели это́т рисуно́к. Замеча́тельный был рисуно́к. Я его́ променя́л на мяч. Если бы это́ был плохой́ рисуно́к, ра́зве мне да́ли бы мяч? Ни за что бы не да́ли. Вот како́й это́ был рисуно́к!

Пото́м я про друго́е вспо́мнил. Как па́па война́

рисовал: идут в бой солдаты, кругом палят пушки и много убитых. Он всех солдат рисовал в больших касках. В большущих таких зеленых касках. Но ведь их ВСЕ РАВНО убивали. Хотя все они были в касках. Называл это папа «баталией».

Я долго думал про это.

Как-то я не могу не думать. Я всё время чего-нибудь думаю. Правда, чаще всего чепуху разную, иногда сам удивляюсь — как это я такое думаю. Какой-то я, в общем, задумчивый. Только когда я в футбол играю, или когда в воду прыгаю, или когда пою песни, тогда я ничего не думаю. Я тогда просто прыгаю в воду, играю в футбол и пою себе песни.

Я всё думал и думал, и Боба проснулся.

— Это что, — говорит, — куда мы едем?

— Мы, — говорю, — едем к папе.

— А куда, — говорит, — мы к папе едем?

— Мы, — говорю, — едем в Баладжары.

— Я, — говорит, — спать не буду, раз мы едем в Баладжары к папе. Я посмотреть хочу, как мы подъезжать будем. Я папу в окошко увижу.

Он посидел, посидел, а потом говорит:

— Баладжары какие?

— Большие, — говорю.

Тогда он совсем успокоился. И стал в окно смотреть.

Смотрел он, смотрел и опять заснул.

Качается поезд ужасно. Любый тут заснёт. Это я такой, в общем, выносливый. Как Чапаев погиб, слышали? Часовые-то все уснули. Белые к ним подкрались и всех — раз! раз! — закололи. И на Чапаева бросились. А Чапаев-то спал, и чапаевцы спали. Проснулись — кругом стреляют. Совсем близко белые. Оттого и погиб Чапаев. А то он никогда не погиб бы. Он до сих пор бы жил. Может быть, он при-

шёл бы к нам в гости. Чтоб побеседовать с папой. Спросил бы меня: «Ну, как живёшь?» — «Хорошо живу, товарищ Чапаев!» — сказал бы я. «И живи на здоровье! — сказал бы Чапаев. — Ещё лучше жить будешь!» — «Товарищ Чапаев, — сказал бы я, — как бы мне стать таким, как вы? Очень хочется мне стать Чапаевым!» Что бы он мне ответил? Он, может быть, стал бы рассказывать. Про разные конные атаки. Как скакали они вместе с папой, впереди всего конного войска.

Мне спать нельзя. Я могу Баладжары проехать. Как-никак всё же первая станция. Я, в общем-то, очень выносливый. Эх, быть бы мне часовым! Дали бы мне винтовку. Глядел бы я вдаль. Я бы зорко глядел. Никогда не подвёл бы Чапаева...

...Вон дядька в углу спит. Рядом с ним корзины. Я стал думать, что там в корзинах. Сейчас все набирают продукты. Несут и везут что попало. Там может быть:

индюки,
мыло,
сахар,
гуси,
курицы,
утки,
зайцы и поросята,
маленькие козлики (хотя они могут туда не поместиться),
варенье,
печенье,
яблоки,
груши,
конфеты,
колбаса,
лук,

огурцы,
селёдка...

...Надоело мне думать. Откуда я знаю, что там может быть!

Поезд стал подъезжать к Баладжарам. Я разбудил Бобу, и мы пошли.

Рельсов-то сколько! Гудки, свистки. Играет где-то гармошка. Поют песню:

Любимый город может спать спокойно...

Мы с Бобой идём вдоль большого состава. Во всех вагонах военные. Очень трудно найти здесь папу!

Скоро нас окружили военные. Один дал нам кусок колбасы. Замечательная была колбаса! Я такой колбасы никогда не ел. Настоящая военная колбаса! Мы с Бобой её сразу съели.

Мы хотели дальше идти. Искать папу. Но тут паровоз загудел что есть силы. Все стали садиться в вагоны. Поезд тронулся и пошёл, сначала тихо, а дальше быстрее и быстрее...

И тут я увидел папу.

Это был папа, честное слово! В военной форме, в пилотке. Боба не видел его, а я видел. Мой папа стоял на подножке вагона. Он, кажется, нас заметил, даже крикнул нам что-то. Но я не расслышал, что он крикнул. Вагон быстро промчался мимо. Я уверен, что это был папа. Он махал нам, и я побежал за вагоном, а поезд уже всюду мчался...

ОБРАТНО ДОМОЙ

Обратно мы шли по шоссейной дороге. Я думал, так будет быстрее. Сначала я пел: «Солнышко ясное, наша жизнь прекрасная!» Потом на спине тащил Бобу.

Я не мог его долго тащить, и мы сели на камень. Кругом желтая степь. Вся трава сгорела от солнца. Мчатся мимо машины. Проехал танк.

Боба как заорёт:

— Папа едет! Вон папа едет!

Он решил, что папа в танке. Почему он так решил, я не знаю. Он стал так орать, что я думал, он лопнет. Хотел бежать следом за танком.

Вы бы видели, как он орал,— грузовик даже остановился.

Шофёр говорит:

— Вы, ребята, чего?

— Мы,— говорю,— домой идём.

— А малыш чего?

— Папа наш в танке уехал,— говорит Боба.

— Врёт он всё,— говорю,— ни в каком танке он не уехал. Он в вагоне уехал.

Шофёр говорит:

— Всё ясно, хотя не совсем. Ну, садитесь, живо!

Мы сели к нему в кабину. И во весь дух помчались.

— Значит, вы здесь одни,— говорит шофёр.

— Мы,— говорю,— к папе ездили. Мы провожать папу ездили.

— Ах, вот оно что! — говорит шофёр.— А мама где?

— Мама дома, мы сами пошли.

— Ну и ну! — говорит шофёр.

— Папа наш капитан Красной Армии,— говорю.

— Совсем хорошо,— говорит шофёр.

— Он с Чапаевым воевал,— говорю.

— Да ну! — говорит шофёр.

— Честное слово! Воевал он с Чапаевым, а Чапаева потом убило...

— Прямо с ним рядом и воевал?

— А как же,— говорю,— отдельно, что ли, конечно, рядом!

— Интересно,— говорит шофёр.

Ему очень понравилось, что мой папа с Чапаевым воевал. Только он немножко не верил.

— Что, не верите? — говорю.— Очень даже напрасно! А ещё папа был моряком. Он на шхуне «Мария» плавал. Он эту шхуну мне рисовал. Замечатель-

ная была́ шху́на! Парусо́в — ты́сяча! Ма́чты — во! — грома́дные такие ма́чты, а нос длиннющий, длиннющий... То́лько э́то давно́ было...

— Ну и ну! — говори́т шофе́р.

— А воо́бщэ па́па мой не воённый. И не моря́к. Э́то ра́ньше он был моря́ком. А сейча́с па́па мой му́зикант. Он да́же му́зыку пи́шет. То́лько у него́ не о́чень получа́ется. Но он всё равнó пи́шет. А ма́ма говори́т: не сто́ит, раз не получа́ется. А вы как ду́маете, сто́ит?

— Ну и вре́шь же ты всё,— говори́т шофе́р.— Вро́де ма́ленький, а врать го́разд. И шху́ну приплёл, и Чапа́ева, а тут ещё э́та му́зыка...

— А вы,— говори́ю,— у Ли́верпуля спроси́те, он вам ска́жет.

— У кого́?

— У Ли́верпуля.

— Что э́то за Ли́верпуль тако́й?

— Как,— говори́ю,— кто тако́й? Ли́верпуль — э́то Ли́верпуль...

— Я,— говори́т,— с тобо́й разгова́ривать не бу́ду, е́сли ты мне бу́дешь глупости говори́ть...

Я говори́ю:

— Вот прие́демте, я вас с ним познако́млю.

— С кем?

— С Ли́верпулем.

— Что э́то, попуга́й тако́й, что ли?

— Не хоти́те, не ве́рьте,— говори́ю,— как хоти́те.

— Да ла́дно уж,— говори́т шофе́р.

— Вы что везёте? — спра́шивает Бо́ба.

— Песо́к,— говори́т шофе́р.

Бо́ба его́ про песо́к стал расспра́шивать: что за песо́к, есть ли там раку́шки, куда́ э́тот песо́к везу́т.

Шофе́р ему́ отвеча́л всё в шу́тку, и Бо́ба был о́чень дово́лен.

— Я,— говорит Бóба,— хочú туда, в кúзов, в песóк, а вы здесь ездáйте, разрешите мне, пожалуйста, в песóк.

Емú, конечно, не разрешили, и он всё дúлся.

Шофёр нас довёз дó дому. Пожáл мне и Бóбе рúки, пёредал привёт Ливерпулю. И мы домóй побежáли.

Ой, что тут бýло! Нáша мáма вся совершенно блédная. Сидит и плáчет.

В ёто врёмá мы вхóдим.

Мá м а. Где вы бýли?

Я. У пáпы. Там нас колбасóй накормили.

Мá м а. Какóй колбасóй?!

Бó б а. Ливерной.

Я. Там нас ливерной колбасóй накормили.

Мá м а. Кто накормил?

Я. Мы ёздили к пáпе...

Мá м а. Каким óбразом?

Я. На пóезде.

Мá м а. Бóже мой!

Я. А óбрáтно мы шли пешкóм...

Мá м а (*кричит*). Откúда вы шли пешкóм?!

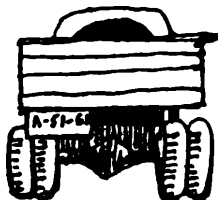
Я. Из Баладжáр.

Мá м а. Из Баладжáр?!

Я. Я видел пáпу...

Бó б а. Я видел тáнки!

Мáма просит воды. Мáме плóхо. Я бегú за водóй на кúхню.

Цѣлый день мы возѣлись в пескѣ. Хотя мне надоѣл песок, но что же дѣлать? Нас не пускают дѣльше двора. Всѣ за то, что мы ѣздили к папе. Мы были грязные, это правда. И мама нас стала ругать.

— Неужели нельзя, — говорила она, — так играть, чтобы оставаться чистыми, опрятными и культурными детьми, тем более что отец на войне?

Это было неинтересно. Мы это уже сто раз слышали.

«Играть целый день в песке, когда война и отец на войне... Разве нельзя, — думал я, — играть в песке, если даже война?»

А мама продолжала:

— Это ма́ленький — понятнó, но ты-то что там нашёл?

Что я там нашёл? Ничего́ не нашёл. Что там можно́ найтí? Не берёт же меня́ на фронт!

Наконец ма́ма сказа́ла:

— Вот что. Я дам вам де́ньги. Идите в кино́.

Это бы́ло друго́е де́ло. Мы с Бо́бой сейчас же помча́лись в кино́. Мы се́ли с ним в пе́рвый ряд. Я люблю́ пе́рвый ряд — как-ника́к не послéдний. Сначала́ журна́л показывали. Интересный журна́л, про войну́ — стрельба́, взры́вы, та́нки, — война́, в о́бщем, са́мая настоя́щая.

Показывали кра́сных ко́нников.

Показывали, как горит го́род.

Показа́ли воéнных в земля́нке.

И вдруг смотрю́ — па́па!

Сначала́ я не узна́л его́, он стоя́л, нагну́вшись над ка́ртой, а ря́дом ещё воéнные, и все на ка́рту смóтрят, потóм па́па взгляну́л на меня́, и я срáзу узна́л его́ и на всё кино́ крикнул:

— Па́па!

Вокру́г меня́ заши́кали. «Тише, — говоря́т, — не меша́йте смотре́ть картину, ка́кой тут мо́жет быть па́па!» А о́дин говоря́т: «Очень да́же возмо́жно; на-пра́сно вы, гра́ждане: мо́жет, и впрямь он отца́ уви́дел. Мо́жет, о́тец его́ киноа́ртист». Но тут о́пять заши́кали. «Что вы, — говоря́т, — тут глúпости раз-ные говоря́те, ка́кой тут мо́жет быть киноа́ртист, когда́ это са́мый натура́льный киножурна́л и никакíх тут киноа́ртистов нет». Тогда́ тот дядька сказа́л: «А мо́жет быть, наоборот: мо́жет быть, он отца́ уви́дел, и не киноа́ртиста, как я предполагáл, а са́мого что ни на есть, как вы да́веча сказа́ли, натура́льного, фронтово́го отца́». Тут все о́пять зашумели, прекра́тите, говоря́т, это безобра́зие, что за шум, где дирек-

тор, и всё такое. И стало тихо. Я всё глядел, может, папу опять покажут. Но больше не показали. Потом журнал кончился, свет зажёгся. Тот дядька, который меня защищал, говорит:

— Ты правда там отца увидел?

— Ну да! — говорю. — Ну да!

— Вот это интересно, — он говорит, — любопытный случай! Просто, можно сказать, исключительный случай. Сын видит отца в кино. А отец на фронте. Нет, это редкость, товарищи! Ты, сыночек, вот что сделай. Картина кончится, а ты останься. Ещё раз на отца погляди. А я там объясню, в чём дело. Чтоб тебя, значит, не трогали. Мы с Бобой, конечно, остались.

Позже мы пришли с мамой. От папы ведь не было писем. Мы так волновались за папу!

Один раз я шёл мимо кино. Меня подозвал контролёр.

— Прости, мальчик, — сказал он, — не твой ли отец...

— Да, да, да, — сказал я, — мой, мой... — Я сразу понял его.

— Так что вот, — сказал он, — прошу, милый, в любой день, в любой час дня и ночи — прошу! — И он показал рукой в зал.

С тех пор я ходил каждый день в кино. Каждый день я видел папу. Папу видел не только я. Все мальчишки со всей нашей улицы, и, конечно, братья Измайловы, все ходили со мной смотреть папу.

— Зови ещё, — говорил контролёр, — всех зови, пускай смотрят!

Это был замечательный контролёр!

ПРО ОТЦОВ И ПРО НАС

Я уже в третьем классе. У нас теперь новый учитель. Он похож на Ливерпуля. Он тоже лысый, но без бороды.

Мы сидим и глядим на Пал Пáлыча, а он ходит по классу с речью.

— ...Таким образом, дети, идёт война. Отряды наших бойцов бьются на всех фронтах; рабочие, интеллигенция помогают фронту. Что требуется от вас, когда ваши отцы с оружием в руках бьются с

врагом, чтобы дать вам возможность вот так сидеть здесь, как вы сейчас сидите, и учиться? Что требуется от вас? От вас требуется взять у меня те знания, которые я накопил за свои долгие годы. Это всё, что пока от вас требуется. А что требуется от меня? От меня требуется, разумеется, передать вам эти знания, которые я накопил. Я думаю, вы меня поняли. Я думаю, мы создадим с вами ту рабочую обстановку, которая нам для этого потребуется. Вы должны помнить, что ваши отцы, ваши старшие братья сдерживают несметные орды захватчиков, которые рвутся сюда, в наш город. Ваш фронт — здесь в тылу, вот эти парты — ваши позиции. Только своей учёбой, а не кривляньем и ленью вы добьётесь уважения. Этим вы помогаете фронту, своим отцам и старшим братьям. Вы должны чувствовать эту ответственность. Ваш враг не только Гитлер, не только фашиствующее отребье, посягнувшее на нас, ваш враг — это лень, кривлянье, безответственность, беспринципность, безволие, безалаберность, бездумье и так далее. Вы должны помнить это.

Пал Палыч подошёл к окну.

— Что я вижу там? — спросил он.

Мы стали смотреть в окно, но ничего такого там не увидели.

— Я вижу там нашу землю. Ваши отцы бьются насмерть за эту землю. Отцы ваши не заслуживают этих, с позволения сказать, подарочков в виде, как вы сами понимаете, двоек и единиц, и я могу надеяться, могу думать, что это будет у нас редчайшим явлением в нашей практике. Могу я надеяться? — спросил он.

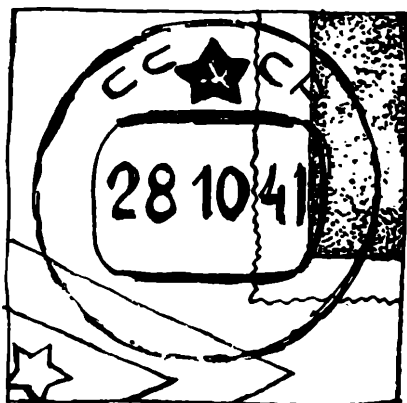
— Можете! — заорали мы-вразброд.

— Очень хорошо, — сказал он, — приступим к уроку.

Я как раз заканчивал рисунок: отцы наши мчатся на конях, с шашками наголо, а Гитлер от них удирает. Я видел, как рисуют Гитлера в газетах, и, по моему, здорово похоже получилось...

ДВОЙКА

Двóйку всё-таки я получил. Хотя я всю́ю старáлся. Почтí всё у Мíшки списáл.

Двóйки я получáл и рáньше. Но то бýло рáньше, а то тепéрь. От пáпы давнó нет пíсем. С тогó дня, как он уéхал. Я всё бо́ялся: придёт письмó, пáпа спрóсит в письмé, как там Пéтя, как úчится, что я отвéчу?

Нúжно бýло испрáвить двóйку. Ждать я бóльше не мог.

Я реши́л объáснить всё Пал Пáлычу.

— Мда...— сказа́л он.— Семь оши́бок в однóм

изложении. Но выход есть. Вот возьми эту книжку. Вот этот рассказ. Ты прочтешь его дома. Разок или два. Но не больше. Закроешь книжку и будешь писать. Только, чур, не заглядывать. Понял?

— А кто будет смотреть, заглядываю я или не заглядываю? — сказал я.

— Никто не будет смотреть. Не такой ты уж маленький. Взрослый парень. Чего за тобой смотреть.

— Как же так? — удивился я. — Я ведь буду смотреть.

— Не думаю, — сказал он.

— Почему же?

— Потому что на честность. Такой уговор. Как же можно смотреть! Тогда будет нечестно.

— Вот это да! — удивился я.

— Я тебе верю, — сказал Пал Палыч. — Я доверяю тебе — вот и всё!

— Так-то так, — сказал я, — но кто будет знать?

— Можно считать, — сказал Пал Палыч, — что разговор у нас закончен.

— Конечно, конечно, — сказал я, — конечно...

Я, наверно, был очень растерян. Такого еще я не видел. Это прямо-таки удивительно!

Я прочел рассказ только два раза. Больше я не открыл книжку. Хотя мне очень хотелось. Я писал с трудом. Так хотелось мне заглянуть в рассказ! Даже в классе писать было легче. Там можно было спросить у Пал Палыча. Можно было списать у соседа. А здесь было всё на честность.

Я всё написал, как запомнил. Пал Палыч прочел и сказал:

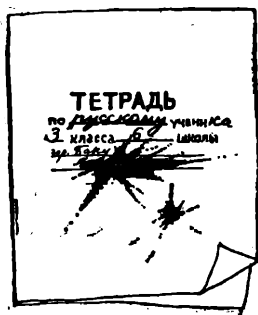
— Человек ты, я вижу, честный. Так и пиши отцу.

— А как же двойка?

— Это не самое главное. Можешь считать, что исправил.

— А откуда вы знаете,— спросил я,— честный я или не честный?

— Сразу видно,— сказал Пал Палыч,— по изложению видно,

ДВА ПИСЬМА

Смотрю я на наш почтовый ящик и вижу: там что-то белёет. Что-то есть в нашем ящике, что-то лежит там...

— Мама! Мама! — кричу. — Что-то в ящике есть!

Я ведь могу посмотреть, что там есть, а сам на месте стою и кричу:

— Мама! Там что-то есть!

И вот мама подходит к ящику, вынимает оттуда одно письмо и второе письмо — целых два письма! Она прижимает к груди эти письма и говорит: «Бóже мой... бóже мой!..» — и идёт быстро в комнату. Я го-

ворю: «Это всё от папы?» А мама говорит: «От папы, да... одно письмо от папы, бóже мой...» У мамы вoвсю дрожат руки, она с трудом рвет конверт и читает. «Ты читай вслух, читай вслух», — прошу я. И мама читает вслух, мамин гóлос совсем не похож на мамин, какой-то глухой и тихий, будто издаleкá слышу я мамин гóлос:

...Чертовщина у нас тут получилась, очень скоро мы попали в окружение, ушли в лес и болтались там по лесам и болотам довольно долго, а потом прорвались и соединились с нашими войсками. Сейчас я жив и здоров. Здесь меня орденом наградили — Красного Знамени. Теперь вы понимаете, почему от меня не было писем — по этой простой причине...

Дальше папа спрашивал, как мы живём, как наше здоровье, что он о нас очень соскучился, очень хотел бы увидеть нас, но война — ничего не подёлаешь!

Потом мама читает второе письмо. Это письмо от знакомой старушки. Она пишет без запятыx и без точек, она не училась в школе, и маме трудно читать.

Здравствуйте дорогие моему сердцу Валентина Николаевна и ребятки уведомляю вас что жива и здорова того и вам желаю дорогие мой с того дня как вы у нас гостили тем летом новости дюже вредные то есть немцы нас захватили и всё у нас отбирать стали а дядю Гришу немцы повесили и вот всё у нас немцы поотбирали а один дюже злющий у нас в нашей хате поселился и ре-

вольвѣром мне всё грозит что я вроде припрятала кур и яйца а я ничего припрятать-то не успѣла так вот мой милые спешу вам сообщить какѣ у нас тут гѣре самое настоящее на наши голѣвушки свалилось а в слѣдующих стрѣках своего обстоятельного письма сообщаю новость а ту именно что Волѣдя отѣц ваш и муж твой Валѣнтина Николѣевна как снег на голову вдруг обьявился а с ним наши солдѣтики дѣуже все похудавшие и не скрываю я от вас от родных что и Волѣдя был похудавший и устѣвший а погѣда была у нас сквѣрная вѣтры сильныя и дождѣ со снѣгом пополам а Волѣдя-то с солдѣтиками моего жильца лѣтого враз застрѣлили и тут такѣ пальба пошла страшнѣйшая и нѣмцев всех онѣ тут перебили всех окаянных уничтожили а Волѣдя-то ваш и говорит ну Мѣрья Петрѣвна живѣ спокойно а я говорю как же вы-то здѣсь очутились касѣтики когда наши-то все далѣко отсюда а он говорит такѣ бабуся обстоятельства сложѣлись не горюй бабуся вернутя все обязательно никуда бабуся не денутя а пѣсле онѣ ушли в лес обещаѣли вернутя ты не горюй говорят бабуся а как же тут не горевѣть дорогѣя моему сѣрцу Валѣнтина Николѣевна когда гѣре-то вон какѣ на нас свалилось и даѣй-то им бог к своим дойти так вот и пишу я вам а вы на меня не сѣрчайте что мѣжет не так пишу а ѣжели Волѣдя тут ещѣ обьявится то я вам ещѣ напишу а других новостей пока нѣту только Васѣютки племянник Николѣй капсюль всѣ кѣвырял и емѣ пѣлец-то и оторвало а так наши пока что все живы и тебѣ

Валентина Николаевна и детишкам твоим привёты шлют остаюся жива и здорова бабушка Мария Петровна и что плохо написано не гневайтесь разбирайте уж как-нибудь.

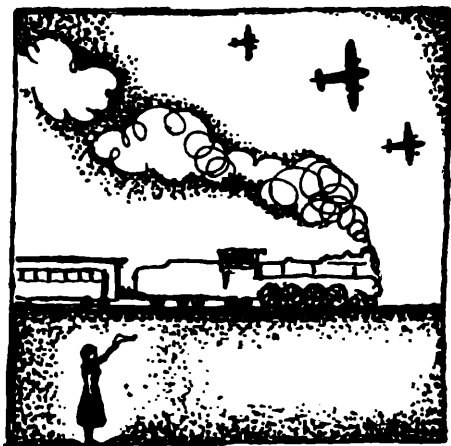
Мама всё читала и читала письма по несколько раз и всё плакала, а я сел писать ответ папе.

«Дорогой папа! — писал я. — С отметками у меня хорошо. Меня даже хвалили за честность, и вот как это произошло...»

И я написал всё, как было с отметкой и с изложением.

ДО СВИДАНИЯ, ДЯДЯ АЛИ

Раміс, Рафіс, Расім, Райс сиділи на верхній ступеньке, а я стоял рядом.

— Мой папа,— говоріл я,— убил самого главно-го фашиста одним выстрелом вот с такого расстоя-ния, как отсюда, вот от этих перил, до той трубы, вон на той красной крыше...

— Он убил Гитлера? — спросил Рафис.

— Гитлер сидит во дворце,— сказал я,— как там его убьешь.

— Значит, не самого главного,— сказал Расим.

— Как же не самого,— говорю,— когда самого, только не Гитлера, вот и всё...

— А дальше что было? — спросил Расим.

— Потом папа берёт автомат и ка-ак пошёл чешать — тра-та-та! — по другим фашистам. Он на месте стоял и вокруг крутился и тра-та-та! — вкруговую...

— И в него не попали? — спросил Расим.

— Как бы не так! — говорю.

— Как же так,— сказал Расим,— раз он не нагибался! На фронте все нагибаются. Я в кино видел.

— Слушай дальше,— сказал я.— Сначала он не нагибался. Он так специально делал. Чтоб всех фашистов запутать. Вот они все и запутались. Все нагибаются, а он нет. Тут можно любого запутать...

Братья Измайловы раскрыли рты, а я был очень доволен, как будто я, а не папа, палю в фашистов, вот здесь, прямо на этой лестнице. Мне даже стало жарко.

— Так вот он не нагибался сначала, а после стал нагибаться, он видит, в него кто-то целится, прямо из пулемёта, он сразу — раз! — и нагнулся. И все пули мимо. Потом видит: в него из винтовки целятся, он снова — раз! — и нагнулся. Он-то знает, когда нагибаться! А когда не нагибаться. Потом он давай всю из автомата — как из поливальной машины — жжжжых! А немцы-то, немцы один за другим так и валятся, так и валятся, целые горы... Потом в папу гранату кинули — он ка-ак отпрыгнет в сторону... — Тут я хотел показать, как отпрыгнул мой папа в сторону, но забыл, что стою на ступеньке, и полетел вниз по лестнице...

А дядя Али поднимался.

— Что ты, Пётя,— сказал он,— куда летишь?

Он схватил меня за рубашку. Поставил на ноги и сказал:

— Поздравь, Пётя, еду и я на войну, на подмогу Волóде...

Я растерялся и говорю:

— До свидания, дядя Алí...

Когда дядя Али уезжал, он сказал маме: «Встречу Володю, привёт передам. Ещё что передать?» Мама стала столько передавать, что дядя Али сказал: «Хватит, зачем столько передавать?» А мама сказала: «Нет, передай, пожалуйста, всё передай». Тогда дядя Али сказал: «А как же, обязательно передам».

Я просил передать папе, что, когда вырасту, тоже приеду на фронт, на подмогу, а дядя Али сказал: «Ну, дорогой, тогда война кончится». Я говорю: «А может, не кончится?» Он говорит: «Дорогой, зачем я тогда еду?» — «Ну и что же,— говорю,— что

вы туда едете, вы же один ничего не значите». — «Как это так, ничего не значу? Один не значу, а вместе с Володей значу».

Мы проводили дядю Али. Все на фронт уезжают, один за другим. Только я остаюсь, да старик Ливерпуль, да ещё мама, Боба, Фатма Ханум...

Все на фронт уезжают. Старик Ливерпуль говорит:

— Я теперь не пью. Не могу пить, и всё. Я пью, когда у меня прекрасное настроение. А сейчас у меня может быть прекрасное настроение? Как бы не так! Нету у меня такого настроения!

— Это хорошо, — говорю, — что вы не пьёте. Моя мама очень довольна.

— Ааа... — говорит Ливерпуль, — при чём тут твоё мама... что ты тут понимаешь...

Старик Ливерпуль идёт на крышу. Он там сегодня дежурит. Теперь все дежурят на крышах. Там, на крыше, ящики с песком и бочки с водой, и лопаты и большущие клещи, чтобы хватать этими клещами зажигательные бомбы и топить их в бочке с водой. Правда, бомбы пока что не падали, но упадут же когда-нибудь! Для чего же тогда клещи? Вчера Лия Петровна сказала: «Я не могу дежурить, у меня появляется слабость...» Тогда Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить». Позавчера тётя Майя сказала: «У меня голова кружится...» Ливерпуль говорит: «Давайте я буду за вас дежурить».

Я бы тоже за всех дежурил. Но мне не разрешают. Детям нельзя на крышу. Мы с Бобой должны сидеть дома, а если тревога, — скорей одеваться, бежать в подвал, то есть в бомбоубежище. Кто захочет сидеть в подвале, когда есть в нашем доме крыша?

Мама моя у Фатмы Ханум. Они там сейчас беседуют. А я бегу на крышу. Там, на крыше, старик

Ліверпуль. Он будёт гнать меня, я это знаю, но я не очень-то слушаюсь.

Вон он стоит, освещённый луной. Звезд на небе полно. И прожекторов полно. Небо словно живое — колыхается. Где-то гудит самолёт. Бьют зенитки. Старик Ліверпуль смотрит вверх на небо. Вот он надевает очки. Опять смотрит на небо. Блестит при луне его лысина. Бородка крючком ещё больше загнута. Я крадусь сзади к нему. Но он слышит мои шаги. Обернувшись, старик Ліверпуль говорит:

— Ну-ка, Пётя, домой!

— Вам можно, — говорю, — а мне нельзя?

— Я суровый человек, — говорит Ліверпуль.

— Поймайте меня, — говорю, — если можете.

— И не подумай, — говорит он.

— Как хотите, — говорю.

— Отца нет, — говорит Ліверпуль, — распустился...

— Вы, — говорю, — напрасно меня гоните, потому что мне здесь больше нравится, чем в душном бомбоубежище. Что там сидеть, не пойму! Немцы, что ли, на нас наступают?

— А ты думал, нет? — говорит Ліверпуль. — Наступают.

— Что-то не видно. Где же они наступают?

— Не дай бог, чтобы ты их увидел.

— Кто их пустит сюда? Никто не пустит. Вот и дядя Али поехал. Они с папой дадут им жизни!

— Дай бог, чтобы Володя вернулся, дай бог, тяжело там сейчас, тяжело...

— Почему это он не вернётся?

— Нет, он вернётся, он безусловно вернётся...

— А кошкам зимой не холодно? — спрашиваю я.

— Нет, сынок, не холодно, — говорит Ліверпуль.

— А почему?

— Потому́ что их шку́ра гре́ет.

— А у людей,— говорю́,— шку́ры нет, то́лько ко́жа...

— Вот ещё,— говори́т Ливерпуль,— заче́м лю́дям шку́ра?

— Как заче́м,— говорю́,— о́чень стра́нный во-прóс! Если б я имёл ко́шкину шку́ру — не шу́тки ведь!

— Отста́нь от меня́! — говори́т Ливерпуль.— Ты что приста́л ко мне с э́той шку́рой? Како́е мне де́ло до ко́шек!

Я говорю́:

— Э́то ве́рно, заче́м лю́дям шку́ра...

— Отвяжи́сь от меня́! Убира́йся до́мой!

Я подожда́л, пока́ он успоко́ится. Он успоко́ился и говори́т:

— Ты ведь зна́ешь, сыно́к, у меня́ бо́лит се́рдце... иди́-ка ты спать, смотре́й, как зева́ешь!

Мне совсе́м не хоте́лось спать. Ма́ло ли что я зева́ю!

— За́чем лю́ди вою́ют? — говорю́ я.

— Война́ — э́то несча́стье все́м лю́дям. Нача́ть войну́... Ра́зве есть в э́том здра́вый смы́сл? Нет, сыно́к, в э́том нет здра́вого смы́сла... А ме́жду тем лю́ди — са́мые развиты́е существа́ на земле́...

— И я са́мый развито́й?

— И ты, то́лько ты ещё мал.

— И дядя Го́ша са́мый развито́й?

— Наверно́, и он, а как же.

Я хоте́л ещё что́-то спроси́ть, как вдруг слы́шу го́лос Бо́бы. Мой брат Бо́ба откры́л люк на кры́шу, но влезть на кры́шу не мо́жет.

— Уйди́ отсю́да! — кричу́ я.

— Мне интере́сно! Мне интере́сно! — кричи́т Бо́ба.

Я с трудом тащу Бобу домой. Он, как всегда, упирается.

— И я тоже,— кричит он,— хочу тушить бомбы! Мама ещё у Фатьмы Ханум. На крышу уж мне всё равно не уйти: Боба следом увяжется. Мы раздеваемся. Ложимся спать.

Я вижу во сне старика Ливерпуля.

...Он стоит одиноко на крыше. А вокруг страшнелица. Они хотят съесть Ливерпуля. Это самые неразвитые существа на земле.

Старик Ливерпуль берёт клещи.

«Я суровый человек!» — говорит Ливерпуль.

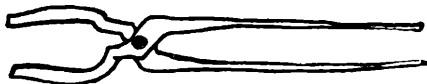
А страшнелица всё наступают.

«Убирайтесь домой!» — говорит Ливерпуль.

Он кидается с клещами на страшнелищ. Но страшнелищ много. Они ползут к Ливерпулю. Куда ни глянь — всюду страшнелица.

Я бегу на подмогу. Хватаю ящик с песком. И кидая в глаза страшнелищ. Все страшнелища ослеплены. Теперь мы победим. Вперёд! Ура! Ливерпуль ловит клещами страшнелищ — раз-два! — и прямо в бочку с водой! Я ему помогаю лопатой.

«Вот так! — кричу я. — Вот так! Вот тебе! Вот тебе! Всех страшнелищ в бочку с водой!..»

БЕТХОВЕНІ БАХІ МОЦАРТИ

— Просто удивительно, — говорит мама, — что нам нечего продать! Как можно было так жить! Вот сейчас эта война, а нам нечего даже продать! У каждой порядочной семьи, на случай войны или там на другой худой случай, безусловно всегда что-нибудь есть продать. А нам — ну просто нечего, разве только рояль и ноты... Всё кругом дорожает, а деньги где взять? Ваш отец виноват, безалаберный был человек, вот кто жить не умел! У Рзаевых сервизы, они могут их продать. А чего только нет у Добрушкиных! У всех есть что продать! Володя не мог жить, как живут

умные люди. У каждой уважающей себя семьи есть что продать на случай войны или там на другой худой случай...

Я всё время хочу обедать. Всё время мне хочется есть. Я съел бы сейчас не только борщ. Не только суп и котлеты. Я съел бы большой кусок хлеба.

Хлеб можно купить на базаре. Но очень дорого стоит. Мой брат Боба плачет, когда хлеба нет,— тогда мы идём на толкучку.

Пыль там всегда столбом, и солнце печёт, и галдёж — просто жуть! Мы с мамой там расстилаем коврик, на коврик кладём наши ноты (папины ноты), и мама кричит:

— Бетховен! Бах! Моцарт!

Втроём мы сидим на коврике.

— Клементи! Клементи! — ору я.

Я теперь не играю Клементи. Я теперь вообще ничего не играю. Когда папа уехал, я, правда, играл, но всё меньше и меньше. Мама, правда, ругала меня, а потом перестала. Она просто устала меня ругать. Мама хочет продать рояль, а раз так, то зачем эти ноты. Всё равно мама продаст рояль.

— Бетховен! Бах! Моцарт!

Толкотня-то какая! Мы, правда, неплохо устроились. Мы пришли рано. Расстелили свой коврик. Все, кто рано пришёл, расстелили здесь коврики. Часто коврик наш топчут ногами. Тогда я кричу:

— Осторожно!

Но в общем-то мы хорошо устроились. Попробуй-ка тут проходи целый день!

— Клементи! Клементи!

— Сахар! Сахар!

— Кóфточки! Кóфточки!

— Пирожки! Пирожки!

— Бетховен! Бах! Моцарт!

— Американские штаны! Чистейшие американские штаны из английского материала!

— Не рваная, не новая, отличная рубашка!

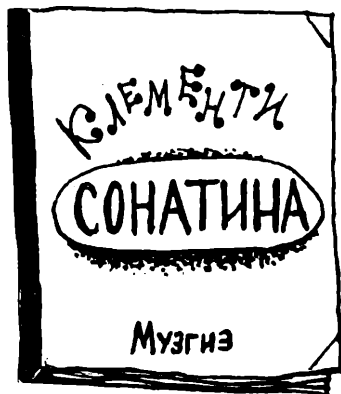
— Сто отдашь — пятьсот выиграешь!

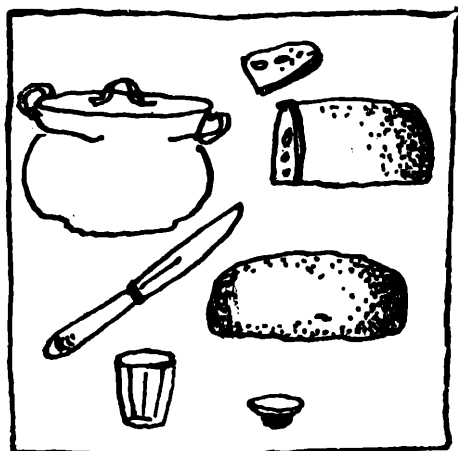
— Купите! Купите! Купите!

— Клементи! Клементи! Клементи!

— Бетховен! Бах! Моцарт!

Когда хлеба нет, я не плачу. Вернется мой папа, он мне привезет много хлеба. И мандарины, большие, оранжевые мандарины...

ОЛИМПИАДА ВАСИЛЬЕВНА
И МАМА

Моя мама теперь курьер. Я помогаю маме. Мы вместе с мамой разносим бумажки, разные там документы. Бóба сидит с Фатьмой Ханум. Целый день мы разносим бумажки, сдаём почту, ходим по учреждениям. А в воскресенье идём на толкучку. Там мы продаём наши нóты. У мамы замечательная работа. На работе дадут обеды. Можно брать сколько хочешь супов. Мы взяли двенадцать супов! Это целая огромная кастрюлька. Мы несём эту кастрюльку и радуемся. Слышно, как булькает суп. Это суп с лапшой. Мы сольём жидкость и вынем лапшу, а из лапши испечём пышки. Пышек выйдет, наверно, немало. Как-никак — двенадцать супов! Порядочно. Каждому по

три пѣшки. Или же по четы́ре. По ско́льку же вы́йдет пѣшек?

— Не плеска́й,— говори́т ма́ма,— будь осторо́жен!

— Доро́гу,— кричу́ я,— доро́гу!

Никто́ не зна́ет, что́ мы несём. Все ду́мают, это́ простой о́бед. А это́ двена́дцать супо́в. Ви́дел бы нас сейча́с па́па. «Вот молодцы́,— сказа́л бы он.— Сто́лько супа́! Неси́, Пѣтя, не выплескай, ну, молодча́га, Пѣтя. Я ви́жу, ты ма́льчик хоро́ший. Ты помога́ешь ма́ме. Ты молодча́га, Пѣтя!»

Мы подхо́дим к на́шему до́му.

Нас ждёт Олимпи́ада Васи́льевна.

— Здравствуйте,— говори́м мы.

— Здравствуйте,— говори́т Олимпи́ада Васи́льевна.

Мы прохо́дим в ко́мнату.

— Вот тут,— говори́т Олимпи́ада Васи́льевна,— я принесла́ ребя́там...

Мы смóтрим на свёрток в её рука́х.

— Что это? — спра́шивает ма́ма.

— Тут две буха́нки... вот, пусть ребя́та возьму́т... это́ хлеб...

— Две буха́нки,— говори́т ма́ма.— Так мно́го... так до́рого сто́ят...

Мы с Бо́бой берём по буха́нке.

— Я вам ещё́ принесу́,— говори́т Олимпи́ада Васи́льевна.

Ма́ма. Ну, как там Го́ша?

Олимпи́ада Васи́льевна. Вы скажи́те мне, как Воло́дя...

Ма́ма. Опя́ть не пи́шет...

Олимпи́ада Васи́льевна. Ну ниче́го, напи́шет.

Ма́ма. Беспоко́юсь я.

Олимпиа́да Васи́льевна. Ну, это вы зря.

Ма́ма. Да вот то́лько несча́стье у нас. Мы тут но́ты продали. Свои́ и чужие. Так вот, там бы́ли но́ты Добру́шкиной... вы не зна́ете эту Добру́шкину... так вот, она́ в суд пода́ть хо́чет... «Отда́йте, кричи́т, мои́ но́ты! Где мои́ но́ты?» А я их продала́ случа́йно...

Олимпиа́да Васи́льевна. Я одолжу́ вам де́нег. Вы ей отда́йте, и все́...

Ма́ма. Вот спасибо! Но я не смогу́ верну́ть ско́ро... Если ва́шему сы́ну, Олимпиа́да Васи́льевна, ну́жно занима́ться, пусть он приходи́т, я кое-что покажу́ ему́, я ведь то́же учи́лась, хотя́ консерва́тории и не ока́нчивала...

Олимпиа́да Васи́льевна. Спасибо, Валенти́на Никола́евна, он у нас бро́сил му́зыку. Не лю́бит он му́зыку... А верне́те пото́м. Вот прие́дет Воло́дя...

Ма́ма. Ой, то́лько бы он верну́лся... Мой Пётя то́же не лю́бит му́зыку. Они́ все не лю́бят. Тут у них не́чего спра́шивать, ну́жно учи́ть. А то пото́м ска́жет: «Я был тогда́ ребёнком, я не понима́л, ну́жно бы́ло меня́ заставля́ть». Сейча́с-то война́, не до му́зыки...

Олимпиа́да Васи́льевна. Мо́жет, вы и пра́вы.

Ма́ма. Безуслóвно пра́ва.

Олимпиа́да Васи́льевна. Воло́де приве́т от меня́. Не забу́дьте. Он золоти́й челове́к. Мне ва́ша семья́ о́чень нра́вится.

Ма́ма. Это пра́вда. Семья́ у нас хоть куда́! Прода́ть не́чего...

Олимпиа́да Васи́льевна. Нет, вы это на́прасно...

Ма́ма. Пусть бу́дет на́прасно. А что Го́ша? Что он не заше́л? Мне ваш Го́ша о́чень нра́вится. Он та́кой энерги́чный!

Олимпиа́да Васи́льевна. Наболта́л он

тогда. Он всегда так, болтает, болтает, потом говорит: «И зачем я тогда болтал?»

Мама. Чего болтал?

Олимпиада Васильевна. По-вашему, он ничего не болтал? (Смеется.) Вот видите, а он переживал.

Мама. Что вы, Олимпиада Васильевна! Я просто вас не пойму. Вы меня расстраиваете...

Олимпиада Васильевна. Зачем вам-то расстраиваться? Это мне нужно расстраиваться. А вам нечего расстраиваться. Не забудьте привёт Володе. Я очень прошу, не забудьте. И не расстраивайтесь...

Мама. А вам-то чего расстраиваться, Олимпиада Васильевна?

Олимпиада Васильевна (задумчиво). Когда началась эта война, мой Гоша отправил все вещи, всю мебель куда-то к родным. Он боялся налётов. «Наш город будут бомбить в первый день!» — орал он. А вышло наоборот. Все вещи его там сгорели. Все шкафы разбомбили...

Мама. Какая досада!

Олимпиада Васильевна. Я не за вещи расстраиваюсь. Что мне вещи! Я за Гошу расстраиваюсь. Ну что это за человек!

Мама. Он просто ошибся...

Олимпиада Васильевна. Ошибся? Ах, он ошибся!

Она надевает перчатки.

— До свидания, Валентина Николаевна, — говорит она. — Да свидания, дети. Привёт от меня Володе.

Я ВСТРЕЧАЮ ДЯДЮ ГОШУ

Мы стояли на углу улицы. Дядя Гоша хлопал меня по плечу:

— Вот так встреча! Давно не видать! Ты, Петró, не сердись, небось сёрдишься? Ты приходи. Я конфёт дам.

— Я не сержусь,— говорю,— а конфёт не хочу.

— Ну и не сердись. Мал ещё сёрдиться. А я скóро, брат, катану!

— Как катанёте?

— Не как, а куда. В бой, конечно, куда же ещё! В бой порá, в бой! Ну, как отец? Всё воюет? Он бое-

во́й челове́к, боево́й. Во́йка! Ты пи́сьма-то пи́шешь отцу́? Ты пиши́ ему́ пи́сьма. Оте́ц ведь. Скажи́: так, мол, и так, встре́тил Го́шу... А мать как? Ничего́, жива́? Мда... Вот такие́ дела́, а я ско́ро отпра́влюсь... Мы ведь с тобо́й мужчи́ны. Защи́та оте́чества есть что? Есть свяще́нный долг. Не так ли? Мы понима́ть должны́. А ра́зве мы не понима́ем? Мы всё понима́ем. И то, что отступа́ют на́ши. И то, что герма́нец да́вит. Когда́ я пла́вал на голу́бке «Ку́ин Ме́ри»...

— Это вы расска́зывали,— говорю́.

— Неужели́ расска́зывал? Зна́чит, запáмятовал. Так вот. Долг есть долг. Мы должны́ выполня́ть свой долг. В бы́тность свою́ моряко́м по́мню слу́чай... лиа́ны, магно́лии... то есть мы, зна́чит, кре́пко застря́ли...

— Где застря́ли?

— Извёстно где, на мелі́ — где же мо́жно застря́ть! — и ни с ме́ста. Тогда́ капита́н говори́т (ста́рый волк был!): «Всю кома́нду на мель!» — говори́т. Ну, мы все вы́шли на мель. И стоим на мелі́. Все по го́рло в воде. А ну́жно сказа́ть, вода́ — лёд. «Толка́ть кора́бль!» — кричи́т капита́н. И предста́вь себе́, па́рень, мы взяли́сь и поднажа́ли как сле́дует, и наш кора́бль поше́л... Си́ла, брат, коллекти́в! А е́сли мы бу́дем сиде́ть сложа́ ру́ки, что бу́дет? Что бу́дет тогда́, мой друг? Тем бо́лее е́сли война́. И защи́та оте́чества.

Всё вре́мя он хло́пал меня́ по плечу́. Да́же мне бо́льно ста́ло. Всё хло́пает, хло́пает.

— Это непра́вда,— говорю́,— что большо́й кора́бль с ме́ста столкнү́ли. Ра́зве тако́е мо́жет быть?

— Я ра́зве сказа́л, что большо́й кора́бль? Кто сказа́л, что большо́й кора́бль? Кора́бль был не большо́й, но поря́дочный. Ты мне что, не ве́ришь? Мал ещё ста́ршим не ве́рить!

Я молчал.

— А у меня, брат, несчастье,— сказал вдруг он.—
У меня большое несчастье.

— Слышал я про ваше несчастье.

— Ты слышал? Где ты слышал?

— Слышал, и всё.

— Где ты мог слышать?

У него был испуганный вид.

— Все говорят,— соврал я.

— Не может быть!

Он сильно расстроился. Стал какой-то печальный.
Мне даже его жалко стало.

— Никто не говорит, это я так.

Он на меня покосился и говорит:

— Как тебе не стыдно! Это дурацкая привычка!

Мне совсем не было стыдно. Но я молчал. Я думал, если я буду молчать, он скорее кончит рассказывать. Я мог и так уйти, но как-никак он разговаривал.

— Мда...— сказал он, задумавшись. Потом вдруг махнул рукой.— Ну, беги домой...

КАРНАВАЛ

Там в зале стоит наша ёлка — большущая, яркая.

Занятий сегодня не было. Потому что вечером праздник — большой карнавал. У кого есть костюмы — наденут костюмы. У кого нет — так придут. Я люблю карнавал. Все вокруг ходят в масках, так интересно! Только жалко, что редко бывает. Целый год ждать приходится.

Когда мы выходили из класса, Пал Палыч меня подзвал и сказал:

— У тебя, Пётя, есть костюм?

— Нет,— говорю,— у меня нет костюма.

— Школа тебе даст костюм. Я там сейчас смотрел, есть чудесный костюм.

Я так обрадовался! Ещё бы! Мне школа даст костюм, и я приду в костюме!

— А какой,— говорю,— костюм?

— Костюм замечательный,— говорит Пал Палыч,— настоящего клоуна. И жабó и всё такое.

— Какое жабó? — говорю.

— Ах, ты не знаешь, что значит жабó! Это, Пётя, такой воротник, как у клоунов, да ты сейчас увидишь...

— Ой,— говорю,— я хочу жабó!

— Ну и чудесно! Пошли за мной.

Мы прошли с ним в кладовую. Пал Палыч там выбрал костюм — вот это был костюм! Первым делом — колпак, весь в серебряных звёздах. Вторым делом — штаны, не какие-нибудь там штаны, а все в клетку, как будто бы шахматы. И ещё куртка в красных кругах. И жабó. У меня прямо дух захватило, когда я жабó увидел. Вот это я понимаю — жабó! Хоть сейчас прямо в цирк выступать. Я цирк люблю. Люблю циркачëй и военных! Даже трудно сказать, кого больше. Но циркачëй я люблю, это точно. Когда вырасту, в цирк пойду, буду работать там клоуном. Буду знаменитый клоун. Как наш знаменитый Горхамз. Правда, он не совсем знаменитый, но всё-таки он знаменитый. Ему весь цирк хлопает...

— Ну как? Не велик? — говорит Пал Палыч.

— Что вы,— говорю,— как раз! — Я испугался, что вдруг он мне будет велик и мне не дадут его.

— Ну, я очень рад. Забирай свой костюм. Ты ведь знаешь, когда начало?

Конечно, я знал, когда начало. Как можно не знать!

Я забыл даже сказать «спасибо».

Когда я надёл дома этот костюм и жабó, и колпáк и стал смотреть в зёркало, я стал стрóить рóжи, кривляться и всё смотрёл и смотрёл на себя, удивляясь всё больше, какие замечательные бывáют на свете костюмы!

Я обедал в этом костюме. Дáже колпáк не снял, так в колпакé и обедал.

— Снимí малахáй-то свой,— сказа́ла ма́ма.

Это она́ про колпáк так сказа́ла.

Я всё бы́стро съел и колпáк не снял.

Потóм я вы́шел во двор. Мой костюм всех порази́л. Пра́вда, кто́-то сказа́л из окна́:

— Да ты что, одурёл! Ведь зима́ на дворе́!

Но я не обрати́л внима́ния. Мне совсе́м не́ было холо́дно. Я ходи́л, высоко́ подня́в го́лову. За мной шли бра́тья Изма́йловы. Весь двор смотре́л на меня́.

Я ещё до́лго ходи́л бы. Не так уж мне холо́дно бы́ло. Но ма́ма взяла́ меня́ за́ руку. И приташи́ла домо́й.

Весь день я не снимáл костюм. Выступáл перед ма́мой, кривля́лся, пры́гал че́рез скаме́йку, снимáл колпáк и станови́лся на́ голову. Что я то́лько не де́лал!

В три часа́ я надёл пальто́, ша́пку, колпáк взял под мы́шку и вы́шел.

У входа́ в шко́лу надёл ма́ску. Никого́ ещё не́ было. Я пришёл ра́ньше всех.

Я до́лго ходи́л по шко́ле. По этажа́м, по всем ле́стницам, по пусты́м кла́ссам.

В одно́м кла́ссе была́ те́тя Да́ша. Она́ убира́ла класс. Те́тя Да́ша меня́ не узна́ла. Ещё бы! Ведь я был в ма́ске. Но костюм ей, наве́рно, понрави́лся. Потому́ что она́ улыбу́лась.

Я всё сто́ял и сто́ял в дверя́х. Мо́жет, что́-нибудь

скажет, похвалит костюм. Тогда тётя Дáша сказа́ла: «Иди́, ми́лый, отсю́да, гляди́, пыль кака́я...»

Я пошёл в зал, где ёлка. Там уже́ было́ много́ ребят. Игрáл оркэстр. Летёл серпантин. Пели́ пэсни. Карнава́л уже́ начался. Каки́х то́лько костюмов тут не́ было! И Бурати́но с дли́нным но́сом, и три мушке-тёра, и Зо́лушка, и Караба́с Бараба́с, и каза́к в бу́рке. Пра́вда, бу́рка была́ из карто́на, зато́ ша́шка что на́до! Как настоя́щая ша́шка. Ша́шка тащи́лась по́ полу, а сам каза́к ходи́л осторо́жно, чтоб бу́рка с него́ не свали́лась, он всё попра́влял её. Потóм в зал въехáл конь со вса́дником. Я вое́сю смея́лся. Тем бо́лее, что тот, кто был ло́шадью, вдруг ма́ску снял и сказа́л: «Мне так не ви́дно!» И мы все узна́ли Гриша́ткина. Вот так ло́шадь! А тот, кто сидёл на Гриша́ткине, слез с него́ и говори́т: «Эх ты, Ко́лька, не мог потерпе́ть! Мо́жет быть, нам бы прэ́мию да́ли!» Но ма́ску не снял, и мы его́ не узна́ли. Гриша́ткин встал и ушёл, а вса́дник за ним пошёл. Ну, сме́ху бы́ло!

Пал Па́лыч уви́дел меня́ и спроси́л:

— Ну как?

— Очень смешно́,— говори́ю.

Кто́-то сказа́л Пал Па́лычу:

— Подума́ть то́лько: где́-то война́, а здесь всё своим чередо́м...

Я пошёл каза́ка́ иска́ть.

Наро́ду ещё прибáвилось. Я не нашёл его́ сра́зу. Вдруг слы́шу, кто́-то зове́т меня́. Да это́ же сам каза́к! Это́ Ми́шка, сын дяди Го́ши! Я по го́лосу сра́зу узна́л.

— Это ты? — говори́т.— Ишь ты како́й!

— Я,— говори́ю,— знамени́тый клóун! Сын Горхма́за!

Он говори́т:

— А я знаменитый казак! Ты мою шашку видел?

— А это видел? — говорю.— Жабó!

— Жабó?

— Вот именно,— говорю,— жабó, а не что-нибудь!

Он засмеялся и говорит:

— Жába! Жába!

— Не жába, а жабó! — говорю.— Дура́к ты!

— Как ты смеешь мне так говорить! — и за шашку хватается.

Потом мы помирились, и он говорит:

— А ну покажи жабó! Хорошее жабó.

— А у тебя,— говорю,— шашка хорошая. Мне твоя шашка нравится. Только бúrка твоя мне не нравится.

— Да, бúrка у меня неважная, всё время валяется. Поплясать хочется, а нельзя. Можно только ходить, и то медленно...

— Да снимй ты её,— говорю,— и всё!

— Какой же тогда,— говорит,— я казак буду!

— Был,— говорю,— казакóм, и хвátит.

— А ты жабó своё снимешь?

— Зачём мне жабó снимать, если оно не мешáет.

— Как хочешь,— говорит,— а я свою бúrку сниму. Надоела мне эта бúrка!

Он отдал её первокласснику. А тот её бросил. Тогда он позвал Зóлушку и говорит:

— Вот тебе, держи...

И мы с ним побежали к ёлке.

У меня стало такое хорошее настроение! Мы так плясали, что даже игрушки попадали. Не все игрушки попадали. Но две-три игрушки упали. Потом их обратно повесили. А какие мы пели песни! Мы пели: «Ёлка, ёлка, зелёная игóлка», и «В лесу родилась

ёлочка», и «Ёлки, ёлки, какие ёлки!», и «Нóвый год, нóвый год много счастья принесёт»...

Весёлый был карнавал!

Обратно мы шли вместе с Мíшкой. Он мне про отца рассказывал, про дядю Гóшу. Про то, что он хочет уехать куда-то, совсем в другой гóрод, поскольку он здесь засыпался, а как засыпался, Мíшка не знал, он только знал, что засыпался. А мать его ехать не хочет. Поскольку она не засыпалась. А Мíшка ждёт не дожётся. Он путешествовать любит.

Мы всю дорогу смеялись. Всё карнавал вспоминали. Столько я никогда не смеялся. Я про всё на свете забыл. Я даже забыл снять колпак. Так и шёл в колпакé.

Рáдостный, я вбежал в комнату. Я всё не снимал колпак. С него стекала вода. На улице шёл мокрый снег. На столе я увидел записку. Не записку, какую-то просто бумажку. Я стал читать:

...Войсковая часть № 15/40 извещает Вас, что
Ваш муж героически погиб в боях под Москвой...
Числа... Гóда. Похоронен в деревне Дубки,

...Па́па мой украша́ет ёлку. Снача́ла мы украша́ли все вме́сте — я, ма́ма, Ба́ба и па́па, пото́м мы пошли́ спать, а па́па оста́лся. Он ходи́л во́круг ёлки на цы́почках и говори́л сам с собо́й. Но я слы́шал, что он говори́л, хотя́ он говори́л о́чень ти́хо, я ви́дел его́ и слы́шал: «Во́т э́тот за́яц пойдёт сюда́, нет, пожа́луй, сюда́... а во́т э́тот шар пере́весим во́т так... ну, а э́то уже́ никуда́ не годи́тся — три ша́ра вме́сте! Куда́ ни шло — два, но не три же! Мы их пере́весим...» — «Иди́ спать», — говори́т ему́ ма́ма. «Спи́те, спи́те, — говори́т он, — я хочу́ э́тот шар пере́весить. И во́т э́ту

грушу...» Потóм он садíтся на стул. Дóлго смóтрит на ёлку...

Это бýло в прóшлом годý.

Бóльше я не увижу пáпу.

Мой пáпа убíт.

Мне казáлось, война́ — ёто что́-то такое, где па-
лят пúшки, и мчáтся тáнки, и пáдают бóмбы, и ничегó
не случáется. Прóсто пúшки палят, тáнки мчáтся,
бóмбы пáдают, и ничегó не случáется. Кричáт «урá»
и побеждáют.

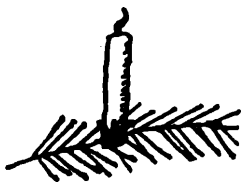
Я стоó на балкóне. Гляжý сквозь вётви на úлицу.
Вижу снег, и людéй, и машины, и мне кáжется, я жду
пáпу... Вот сейчáс вýйдет он из-за угла...

Но мой пáпа убíт.

Пáпа мой похорóнен.

Я ухóжу с балкóна. Тревóга. Вóет сирéна.

Мáма, Бóба и я идём в бомбоубéжище.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА
(через пять лет)

— Па́па! Па́па! — крича́ли братья Изма́йловы.
Дядя Али́ пришёл с войны́. Сверка́ли его́ ордена́ и меда́ли. Он о́бнял меня́. Потом он о́бнял ма́му.

— Прошу́ всех на кры́шу! — сказа́л Ли́верпуль.
Все пошли́ на кры́шу.

Была́ победа́. Салю́т. Ра́дость. Цветы́. Со́лнце.
Си́нее мо́ре...

— Ура́! — ора́л Бо́ба.— Ура́!
Возвраща́лись домо́й солда́ты.

Но мой па́па, мой до́брый па́па, он никогда́ не
верне́тся...

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Я не хочу обедать	3
2. Сосёды	9
3. На балконе	14
4. Мой папа идёт дирижировать	17
5. Папа там, а мы здесь	21
6. Воскресенье	25
7. Мой папа пишет музыку	30
8. Олимпиада Васильевна и дядя Гоша	33
9. Старик Ливерпуль и папа	38
10. На дачу!	41
11. На даче	45
12. Мой папа и Алёша	48
13. Очень маленькая глава	52
14. Ещё одна маленькая глава	53
15. Домой	54
16. До свидания, папа!	57
17. Папы нету	59
18. Я вижу папу	61
19. Обратно домой	67
20. В кино	71
21. Про отцов и про нас	74
22. Двойка	77
23. Два письма	80
24. До свидания, дядя Али	84
25. На крыше	87
26. Бетховен! Бах! Моцарт!	92
27. Олимпиада Васильевна и мама	95
28. Я встречаю дядю Гошу	99
29. Карнавал	102
30. 1 января	108
31. Последняя глава (Через пять лет)	110

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и оформлении.

Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Д Л Я Н А Ч А Л Ь Н О Й Ш К О Л Ы

Голявкин Виктор Владимирович

МОЙ ДОБРЫЙ ПАПА

Повесть

Ответственный редактор *М. И. Сальникова*. Художественный редактор *В. Г. Ежков*. Технический редактор *Т. В. Перцева*. Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. С. Ульянова*. Сдано в набор 25/1 1967 г. Подписано к печати 18/III 1967 г. Формат 60×84^{1/8}. 7 печ. л.—6,53 усл. печ. л. (3,81 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. ТП 1967 № 592. Цена 23 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 94. Заказ № 120.

Цена 23 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»